

■ Л О Р А Т О М П С О Н ■

ПРЕДСТАВЬТЕ

6

■ ДЕВОЧЕК ■

СЕСТРЫ МИТФОРД:
ПИСАТЕЛЬНИЦА, ПТИЧНИЦА,
ФАШИСТКА, НАЦИСТКА, КОММУНИСТКА,
ГЕРЦОГИНЯ

Лора Томпсон

Представьте 6 девочек

«Фантом Пресс»

2015

УДК 82-94
ББК 84(4)

Томпсон Л.

Представьте 6 девочек / Л. Томпсон — «Фантом Пресс», 2015

ISBN 978-5-86471-723-3

Документальный роман о сестрах Митфорд, имя которых в середине прошлого столетия было в Англии нарицательным. Шесть сестер стали олицетворением самых разных сторон XX века. Диана — «лицо английского нацизма», жена одиозного лидера британских фашистов. Джессика — «лицо коммунизма», воевала в Испании, разоблачала политиков. Нэнси возглавила бум «женского писательства». Юнити боготворила Гитлера и после начала войны попыталась свести счеты с жизнью. Дебора, воплощение британской аристократии, помешалась на Элвисе Пресли. И наконец, Памела — буколическая сельская пастушка, которую воспевали поэты. Девочки Митфорд родились с серебряными ложками во рту. Они словно явились из романов Джейн Остин: богатый и красивый лорд-отец, леди-мать, одержимая планами выдать дочерей замуж, и экстравагантные юные сестры. Книга невероятно напоминает знаменитое «Аббатство Даунтон», только в ней одни лишь факты. Рассказывая истории шести девочек, Лора Томпсон показывает, как прорастали семена катастрофы, пока юные дебютантки из аристократического семейства кружились в танце на своем первом балу. Портреты сестер складываются в единый портрет эпохи — бурной, с невероятными поворотами. Книга Лоры Томпсон — критический взгляд на историю Британии XX века, без глянца и позолоты. Это портрет страны, которая заблудилась в идеологических лабиринтах, — как заблудились девочки Митфорд.

УДК 82-94

ББК 84(4)

ISBN 978-5-86471-723-3

© Томпсон Л., 2015
© Фантом Пресс, 2015

Содержание

Введение	8
Часть I	22
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лора Томпсон
Представьте 6 девочек. Сёстры Митфорд:
писательница, птичница, фашистка,
нацистка, коммунистка, герцогиня

Луису, любимому

TAKE SIX GIRLS by Laura Thompson Copyright
© Laura Thompson 2015

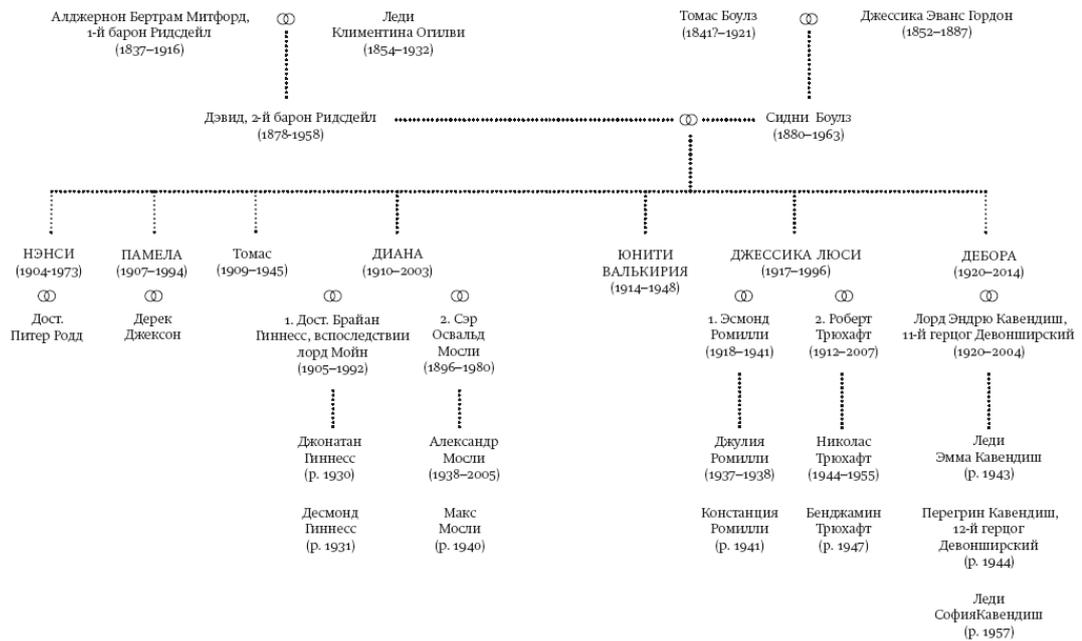
First published in 2015 by Head of Zeus Ltd

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии Литературного агентства Эндрю Нюрнберга и Head of Zeus Ltd.

Перевод с английского Любови Сумм

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО МИТФОРДОВ

Введение

Митфордианский феномен

Представьте шесть девушек, шесть законченных индивидуалисток, и выпустите их в одну из самых взрывоопасных эпох мировой истории – вы получите сестер Митфорд. Этому социальному эксперименту позавидовал бы самый изобретательный исследователь, а интересен он во многом невозможностью его повторить. Никогда больше не будет шести таких девиц, воспитанных в такой манере и в такое время.

Сестры Митфорд родились в сердце Англии, самая старшая – в 1904 году, самая младшая – в 1920-м. Их родословная древнее Нормандского завоевания. Дочери второго лорда Ридсдейла и леди Ридсдейл должны были стать женами и матерями аристократов, образцовыми представительницами своего класса, появляться на придворных балах в атласных, чуть неуклюже сидящих платьях и носиться верхом по графству Глостер в добротном твиде. Кое-что от старомодного воспитания все же в них сохранилось, и Нэнси Митфорд на смертном одре признавалась, что отдала бы все за день на охоте. Но огромный мир за пределами поместья Хейтроп давно предъявил свои права на Нэнси и на всех сестер за исключением Памелы – и на фоне этой бледной тени тем ярче сияли остальные пять.

Выбранные сестрами Митфорд пути можно перечислить почти так же, как в детском стишке перебираются жены Генриха VIII: Писательница, Птичница, Фашистка, Нацистка, Коммунистка, Герцогиня. Можно составить минибиографии, жонглируя наиболее поразительными фактами с ловкостью опытного циркача. Нэнси, самоучка, не умевшая расставлять знаки препинания (“Не Ваш конек”, – писал ей Ивлин Во), сделалась известной писательницей, чьи изданные в 1940-х романы “В поисках любви” и “Любовь в холодном климате” принадлежат к популярной и любимой читателями классике. Памела, буколический птицевод с голубыми глазами (солнечные очки она всегда подбирала в тон), была воспета молодым поэтом Джоном Бетжеменом (“Памела нежная, кто ближе всех к земле”). Диана, первая красавица в своем поколении, преспокойно приняла участь парии, бросив идеального мужа ради лидера Британского союза фашистов сэра Освальда Мосли. Юнити, зачатая в канадском городе Свастика, сделалась яростной нацисткой и близкой подружкой Адольфа Гитлера. Джессика сбежала из дома с коммунистом Эсмондом Ромилли, племянником (а по слухам, сыном) Уинстона Черчилля, и поселилась в рабочем районе Ротерхайта. Дебора стала хозяйкой Чэтсуорт-хауса, величественной, выстроенной еще в XVII веке резиденции герцогов Девонширских, и собрала здесь выдающуюся коллекцию записей и сувениров Элвиса Пресли.

Все эти подробности потоком хлынули в прессу в 2014 году, после смерти Деборы, “последней из сестер Митфорд”, хотя ничего нового тут не было. Кто-то путался и считал Нэнси фашисткой, а Юнити – коммунисткой, но общее представление имели почти все. Столь же знаком был англичанам совокупный образ сестер: безудержное аристократическое легкомыслие, схожие, словно вариации на общую тему, лица, домашний язык. Митфорды обитали в лингвистическом микроклимате почти детского лепета (“ой, пожалей меня”), более всего известны прозвища, которыми они наделяли всех и в первую очередь друг друга, и то, что началось как семейная шутка, позднее стало достоянием публики. Тут опять кто-то может запутаться и решить, что нацисткой была Женщина, а писательницей Хонкс или что Стабби обожала сельскую глушь, а замуж за герцога вышла Бобо¹, но в целом примерно так судьбы этих девушек и складывались. К тому же с Гитлером были знакомы все они и звали его Хитти или герр Маляр – одни так, другие эдак.

За несколько лет до ее смерти я взяла интервью у вдовствующей герцогини Девонширской, Дебо (Нэнси – можете себе представить? – дала ей прозвище Девять, мол, умом она

старше не станет). Герцогиня признала, что популярность “темы Митфордов” ее несколько удивляет: “Что люди до сих пор интересуются нами – это поразительно. А уж по каким причинам, им лучше знать”. Ее сестра Диана Мосли (Хонкс, Бодли, Корд, Нарди), с которой я тоже встречалась, высказалась намного резче: “Бесконечные разговоры о семье Митфорд – тощица смертная, – заявила она, запрокидывая все еще красивую голову в почти беззвучном смехе (так смеялись все девочки Митфорд, словно веселье словами не выразить). – До смерти надоело!”

Разумеется, то же самое можно сказать и о женах Генриха VIII. “Ой, только не заводите снова про Анну Клевскую и портрет работы Гольбейна. Кто ж про это не слышал?” Такая известность, разумеется, осложняет задачу биографу. Судьба Юнити Митфорд – отменный сюжет для оперы, а все сводится к скверному анекдоту: “Тут объявили войну, и она застрелилась”. Потрясающая человеческая трагедия исчезает, остается только эта фраза. Беда в том, что слишком большая известность не только порождает скуку, но и обесценивает смыслы. А судьба этих шести сестер значима и еще не до конца осмыслена. Я понимаю тех, кому давно уже охота порвать в клочья кружевную митфордиану, все эти “Пуля, Муля, кладовка Цып”², но вот что я скажу: приглядитесь заново к столь знакомым именам и фактам и задумайтесь над ними. Эти шесть сестер – лучшие образцы в музее английскости, и они представляют весьма сложное явление, хотя от их образа веет божественной простотой. Как бы мы их ни воспринимали, честь их *скучными* едва ли кому удастся.

Причем, как я уже сказала, это явление никогда больше не повторится. Ни такие характеры, ни такое состояние мира – подобная конфигурация не сложится вновь.

Начать с простого факта – большого количества детей в семье. Всего их было семеро, и хотя о Томе, единственном сыне (1909 года рождения), часто забывают, он обладал не менее сильным и загадочным характером, чем сестры. Далее, особенности воспитания. Том отправился в Итон, но девочки получили домашнее образование, и три больших семейных поместья – Бэтсфорд-парк, Астхолл-мэнор и Свинбрук-хаус – служили площадками для игр, где развивалось их воображение. У современного ребенка день расписан по минутам (в 4 часа – гобой, в 4.30 – анализ на переносимость глютена), и он таскается за родителями по всяким взрослым заведениям от бара до “Старбакса”. Девочки Митфорд, напротив, обитали в собственном мире. Они обладали свободой, которую ныне сочли бы дикостью. Физически эта свобода была ограничена: девочки не выезжали дальше чем в Шотландию, нигде не появлялись без няни и, кроме родственников, общались в основном с гругами, гувернантками и егерями. Их мать бывала строга, а отец порой устраивал яростный разнос за нарушение строгих правил этикета, и все же на более глубоком уровне им была дарована абсолютная свобода: ничто не мешало девочкам следовать своей натуре и подлинным склонностям. Насколько это пошло им на пользу – другой вопрос, но именно такая свобода вылепила “сестер Митфорд”.

Они рыскали по своим владениям, вечно увлеченные книгой, любовью, животными (нет ни одной фотографии, на которой не красовался бы замечательный пес), с каждым годом становились все краше и все жаднее до жизни: монотонная скука сельского существования оказалась парадоксально мощным стимулом. Не следует представлять себе неразлучную и постоянную шестерку, складывались временные пары и альянсы: Диана и Том, Джессика и Юнити, Дебора и Джессика. Помимо всего прочего, и разница в возрасте мешала им образовывать секстет (в котором Том был бы гастролирующим дирижером), но поскольку никакой другой компанией они не располагали, то все время сталкивались друг с другом, выбивая искры, словно кремь об огниво. В соперничестве установилась семейная иерархия, которая сохранится до конца, и, даже когда в живых оставались только Диана и Дебора, отголоски тех союзов и тех раздоров все еще можно было угадать.

Их поразительные, подчас патетические индивидуальности оттачивались в этом сложном взаимодействии. Разумеется, утверждение, будто Джессика сделалась неистовой коммунисткой, потому что самая близкая ей сестра, Юнити, стала яростной нацисткой, будет легковесным

упрощением, и столь же наивен вывод, будто Юнити стала нацисткой, следуя примеру обожаемой Дианы, и все же некоторая доля истины в этом есть. Если бы они не выросли в постоянном общении, воюя, сближаясь, отдаляясь в вечном воинственном ритме, не вылепились бы и столь яркие индивидуальности. И опять-таки живи они в другое время, эти индивидуальности – по крайней мере, у части девочек Митфорд – проявились бы совершенно иным образом.

Девочки Митфорд росли в пору глубоких и – что, пожалуй, важнее – *драматических* перемен. Дебют Нэнси в обществе состоялся 28 ноября 1922 года на балу в Астхолле. Светская хроника “Таймс” высказывалась о нем с формальной церемонностью, все еще соблюдавшейся по отношению к высшим классам (“Среди тех, кто приглашал гостей к танцам, была графиня Батхерст...”), словно Эдвардианская эра не завершилась. Танцы для самой младшей дочери, Деборы, организовали в семейном особняке в Лондоне 22 марта 1938 года. За десять дней до того произошел аншлюс, аннексия Австрии нацистской Германией.

За шестнадцать лет между этими двумя дебютами политические конфликты дошли до крайнего ожесточения. С двух сторон мировой шахматной доски неуклюжими глыбами выселились коммунизм и фашизм. Демократия на их фоне казалась существом ничтожным и слабым, жалко блеющим об умеренности – после мировой войны и русской революции, на фоне Великой депрессии и массовой безработицы. Англия, в отличие от Италии, Испании и Германии, не искала прибежища в диктатуре, но и здесь многие мечтали об определенности и тешили себя иллюзиями, броскими лозунгами. В 1920 году была основана Коммунистическая партия Великобритании, а через три года – с неумолимой логикой – фашистская партия, поначалу малочисленная.

Быстро сменявшие друг друга недолговечные кабинеты министров пытались справиться с непрекращающимся экономическим кризисом и отворотить угрозу нестабильности. Очень серьезно относились к “письму Зиновьева” (1924 года), якобы инструкции главы Коммунистического интернационала, о переходе к классовой войне. Хотя происхождение этого документа сомнительно, большевики действительно раскачивали ситуацию в стране, а у пролетариата и так имелись достаточные причины для недовольства. Ужасающе высокой была безработица. За пару недель до дебюта Нэнси по стране прошел первый из общенациональных “голодных походов”. В 1926 году состоялась всеобщая стачка, а в 1936-м – “поход из Ярроу”. В 1929 году первый в истории страны премьер-министр от лейбористов Рэмси Макдональд поручил молодому и энергичному члену парламента сэру Освальду Мосли разобраться с безработицей, но Мосли пошел своим путем, когда его радикальные (хотя и довольно популярные) идеи были отвергнуты. В 1931 году он сформировал Новую партию, через год переименованную в Британский союз фашистов.

В Германии, где к 1933 году насчитывалось 7 миллионов безработных, нищета достигла предела, а послевоенные обиды накапливались, взрыв казался неизбежным. Предстоял жесткий выбор: либо коммунисты, либо нацисты. Заняв должность канцлера, Гитлер объявил войну марксизму и уже этим приобрел себе немало приверженцев в некоторых британских кругах, как прежде Муссолини, пришедший к власти в 1922 году. Иные английские аристократы вполне откровенно выражали желание сблизиться с Гитлером. В 1936-м на обеде, устроенном Англо-Германским обществом дружбы в честь посла фон Риббентропа, присутствовали среди прочих герцог Веллингтон, лорд Лондондерри и лорд Ридсдейл с супругой. В том же году лорд Ридсдейл выступил с палате пэров с хвалебной речью в честь Гитлера и бранил прессу за “грубейшие преувеличения в таких вопросах, как обращение нацистов с евреями”. Главную мысль он сформулировал в одной фразе: “Что бы мы ни имели возразить по поводу конкретных моментов его правления, очевидно, что герр Гитлер спас Германию от красной угрозы”.

Такова была позиция аристократа, но ее в той или иной мере разделяли многие рядовые британцы, чей ужас перед коммунизмом мы едва ли способны теперь постичь в полной мере. С другой стороны, для значительной части интеллигенции – тех самых людей, которых Сталин

методично истреблял, – коммунизм оставался идеалом и светлой мечтой, а также последним оплотом в борьбе с фашизмом. Сам факт, что эти яростно противоборствующие идеологии в основе своей до странности схожи, многие – и в том числе Нэнси и Дебора Митфорд – ясно осознавали, но такого рода ясность и здравый смысл были в 1930-е годы не ко времени. Требовалось иное – политическая жестикуляция, бескомпромиссная присяга на верность тому или другому, решения, проистекающие из жесткой теории без учета зыбких реалий человеческой природы. Молодые люди всегда откликались на боевой клич экстремизма, не устояли и Диана, Джессика, Юнити.

И все же их поведение нельзя назвать заурядным. Опять-таки значимость их поступков поблекла из-за того, что все о них слишком хорошо известно, однако вдумайтесь: да, в ту пору многие другие юные светские создания флиртовали с тем или иным сортом экстремизма, к примеру, их кузину Климентину Митфорд ненадолго ослепил блеск лакированных сапог, но в том-то и особенность сестер Митфорд, что они *не* флиртовали, они были до конца верны своим убеждениям. И в 1952 году Дебора писала о Джессике: “Ее окаянное дело вьелось ей в душу, и она никогда не могла отречься”. Попробуйте вообразить нечто подобное сегодня. Девятнадцатилетняя Джессика Митфорд уходит жить с исламским фундаменталистом? Вряд ли. Девушка из высшего класса может какое-то время увлеченно играть в “активистку”, то есть размахивать плакатом против добычи сланцевого угля в Сассексе (где проживают ее родители) или переспать с симпатичным борцом против капитализма (который учился в одной школе с ее братом). Правда, юноша, ради которого Джессика ушла из дома, Эсмонд Ромилли, был дальним родственником Митфордов и учился в Веллингтоне. Как писала Нэнси, изображая схожую ситуацию в романе, “она была ему представлена и знала его фамилию”. И все же когда в 1937 году Джессика исчезла – якобы уехала в Дьепп к друзьям, но так там и не появилась, – мир ее родителей рухнул. Две недели они не знали, жива она или мертва, сутки напролет просиживали у телефона, ожидая неведомо чего. Лорд Ридсдейл больше не виделся с дочерью с того дня, как проводил ее на вокзал Виктория. Получив наконец известие о ней, он якобы заявил: “Хуже, чем я опасался, – вышла замуж за Эсмонда Ромилли”, но, даже если он произнес вслух такие слова, едва ли говорил искренне. Родители Джессики так и не оправились от этого удара, от бездумной и жестокой решимости, с какой она отреклась от прежней своей жизни (впереди их ждали более тяжелые испытания). “Я чуть с ума не сошла, когда казалось, что ты исчезла насовсем”, – писала дочери леди Ридсдейл, а Дебора утверждала: “Это самое страшное, что со мной случилось в жизни”. Сорок лет спустя Джессика написала Деборе: она, мол, “оч. удивлена”, что своим бегством причинила ей такое огорчение. Однако в интонациях письма чувствуется попытка оправдаться – не слишком убедительная, ибо, похоже, в 1937 году Джессике было наплевать, кого и насколько сильно она ранила. Столь притягателен был экстремизм, воплощенный в мужчине. Только из-за такого мужчины она могла сбежать. Только из-за экстремизма она могла сразу и полностью отказаться от всего, что было дорого.

Обычно за идеологические крайности хватаются разочарованные мужчины. Бывает, конечно, и с девушками, но при чем тут сестры Митфорд? Стильные, благополучные, представленные ко двору, только и знавшие, что скакать следом за гончими да танцевать в *лучших* домах Лондона. О юных мятежниках часто говорят, дескать, им-то терять нечего, – и это не всегда справедливо, но уж кому было что терять, так это сестрам Митфорд. Бунтарство лишало их всего – их, нежнокожих отпрысков привилегированного класса. И они были достаточно умны, чтобы это понимать, ведь ум Джессики был острее бритвы, а Диана для отдыха читала Гете (на свадьбу доктор Геббельс подарил ей полное собрание сочинений в розовой телячьей коже). Джессика была к тому же красива, жизнерадостна и, по единодушным отзывам, обаятельна, а Диана, красотой равная богине, вела жизнь точно из приторного романа: особняк в Белгравии, обожающий муж, двое маленьких сыновей. Странной среди них, согласно позд-

нейшему признанию Деборы, считалась только Юнити, но и она была красива, умна, и хотя некоторые ее эксцентрические выходки подчас пугали, Юнити тоже покоряла сердца.

Разумеется, сыграла свою роль и молодая глупость. “Фюрер дважды впадал в ярость... это было дивно”, – можем мы прочесть в письмах Юнити. Порой складывается впечатление, что Гитлер – это Мик Джаггер образца 1966 года, а она – его юная обожательница. Но одной лишь наивностью всего не объяснишь. Что-то в натуре этих молодых женщин откликалось на темную суть времени. Под солнечной бурливостью Митфордов текла более угрюмая и упорная струя. Здесь присутствовал и выраженный сексуальный инстинкт – желание принять, впустить в себя нечто агрессивное и непреклонное, и хотя это желание направлялось на конкретных мужчин, в нем была, безусловно, и мистическая сторона – экстремизм апеллирует к древнему, неукрощенному цивилизацией “я”.

О том, как и почему сестры выбрали каждая свой путь, мы подробнее поговорим чуть позже. Исходным пунктом стала глубокая и сложная страсть Дианы к сэру Освальду Мосли, хотя несомненное влияние на Диану оказали интеллектуальные “протевтонские” симпатии ее родичей. В контексте времени и семейного расклада поведение сестер Митфорд выглядит более понятным, но отвага – немислимой. “Что за жизнь мы ведем”, – писала Нэнси в 1940 году матери, изумляясь, но, как всегда, сдержанно.

Сама Нэнси не бросалась без оглядки в экстремизм того или иного сорта. Друг семьи, Вайолет Хаммерсли, как-то писала ей: “Вы, Митфорды, любите диктаторов”, но это лишь отчасти соответствовало истине. Памела вышла замуж за приверженца фашизма и познакомилась с Гитлером (“в своем коричневом костюме он похож на старого фермера”), однако до крайностей Дианы и Юнити ей было далеко. Дебора провела месяц перед Второй мировой войной с гостями, собравшимися по случаю скачек в Йорке, и тоже оставалась в стороне от политических бурь. Что же касается Нэнси, она сначала спасала беженцев-республиканцев, проигравших гражданскую войну в Испании, а затем вернулась домой и с головой окунулась в патристическую работу.

И все же нечто общее в их отношении к политике было – не столько в том, *что* они делали, сколько в том, *как* они это делали, в стальном стержне под светской улыбкой – вот что типично для Митфордов. Они были естественны и бесстыдны – не в том смысле, что совершали позорные поступки, хотя Юнити далеко зашла в своей любви к нацизму, нет, точнее будет сказать, что они были избавлены от чувства стыда, наделены блаженной и неуязвимой уверенностью в своей правоте. И о чем бы ни зашла речь, беседовали они все на том же детском языке. Между формой выражения (“милый Гитлер”, “славный Ленин”) и тем, что они совершали, разверзается пропасть. Отрочество Джессики и Юнити, живших в одной комнате и поделивших ее надвое – половина в серпах и молотах, половина в свастиках, – наглядно иллюстрирует отношения сестер Митфорд с политикой: полная искренность, но и неременное желание похвастаться. Покрасоваться перед няней.

Им незачем было гоняться за публичностью, они и так получали ее в огромных и опасных количествах, но и никакого страха она у сестер Митфорд не вызывала. Отчасти это у них в крови, оба деда были яркими персонажами, но объектом публичного внимания сестры Митфорд стали благодаря собственным заслугам. Их характеры, их разнообразная красота, и все это шестикратно, превращало их в сногшибательное явление. При такой внешности они никак не могли оставаться незамеченными, а при таких склонностях ни в коем случае этого не хотели бы. У них проявлялась тяга к огням рампы, желание блистать в ее лучах. “Да кто на вас глядеть станет”, – приговаривала няня, однако девочки ухитрились вырасти без присущего большинству аристократов страха показаться вульгарными. Нэнси стала не просто писательницей, а “знаменитостью”. (Ивлин Во сообщал: “На прошлой неделе я видел Дебо и считаю своим долгом предупредить, что она распространяет опасную для вашей репутации сплетню: якобы вы разрешили «Телевижн» вас сфотографировать”³.) Она весьма щедро распоряжалась своим

именем: вела в “Санди Таймс” авторскую, в высшей степени самоуверенную и пристрастную колонку, помогала при постановке пошловатого мюзикла на сюжет “В поисках любви”⁴, позднее готова была участвовать и в затевавшемся на Ай-Ти-Ви комедийном сериале, основанном на биографиях шести сестер⁵. Дебора, герцогиня Девонширская, раздавала бесчисленные интервью и, похоже, забавлялась тем, как легко приручить журналистов (“Разве перед ней кто-нибудь устоит?”⁶). Диана, прекрасно понимая, что напрашивается на неприятности, приняла в 1989 году участие в “Дисках необитаемого острова” на Радио-4. Слушатели были возмущены, но с митфордианской жаждой популярности рука об руку идет полное равнодушие к людскому суду. Если бы сестры обзавелись твиттером (это вполне можно себе представить, Джессика точно могла бы это сделать), они бы помирились со смеху при виде гневных комментариев с тэгом #снобскаясука. Они были одарены и легкостью и стойкостью. Когда в 1943 году Диана с мужем сидели под домашним арестом, наглухо задернув занавески, чтобы в окна не могли заглянуть репортеры, Диана писала: “Я бы предпочла быть *нами*, а не ими: уж очень погода отвратительная”. Когда Нэнси в 1955 году написала трактат “Английская аристократия”⁷, с его знаменитой классификацией лексики “В” (высшего сословия) и “не-В” – “только простонародье скажет «листы для письма» вместо «почтовая бумага»” – взрыв негодования оставил ее равнодушной. “Да кто вы такая?” – возмутился один из читателей. “Ужасно трудно ответить”, – пожимала она плечами.

Снобизм, черствость, идиотизм, блуд, бессовестность – в чем только не обвиняли сестер Митфорд, а они встречали любую критику ясной улыбкой и отвечали в свойственной им манере, прямой и упрямой, которая обезоруживала любого противника. У Дианы этот принцип “ни за что не извиняться, ничего не объяснять” развился в неслыханной степени. Трудно себе представить человека, более равнодушного к общественному мнению. “Ненависть посторонних для меня абсолютно ничего не значит, как тебе известно”, – писала она Деборе в 2001 году. “Я им восхищалась”, – сказала она о Гитлере в радиопередаче “Диски необитаемого острова”. Мне она так же спокойно и безмятежно, как говорила почти обо всем, сообщила, что ее муж “был *очень хитроумным* человеком”. Безусловно, Диана была органически неспособна сказать что-либо кроме правды, как она ее видела⁸. Это отчасти упрощало жизнь, но и чудовищно ее осложняло. Она отказывалась оправдываться или защищать себя. Могла бы сослаться на обстоятельства, сказать, что увлеклась, а задним числом поняла, что к чему, – но нет. Как бы о ней ни судили, нужно признать, что из миллиона женщин только одна способна так твердо стоять на своем. Она писала статьи, в которых с ледяной последовательностью ставила под вопрос самые безусловные для общества вещи: так ли однозначно справедлива была война против Германии или был ли режим Виши абсолютным злом. О Гитлере она отзывалась как об “ужасной главе” истории, но не стала задним числом ретушировать свои отношения с ним, а ее верность сэру Освальду всегда была столь непоколебимой, что превратилась в легенду. В Диане, с ее улыбкой сфинкса и бодрой безмятежностью, скрывалась тайна, и даже сестры подчас не умели ее разгадать. Политические пристрастия никак не отразились на искренней, сердечной доброте, которую Диана проявляла во всех прочих сферах жизни. Постоянно прорывавшийся смех не мешал ей разделять идеологию тех, кто маниакально серьезно относился к самому себе. Она была загадкой в гораздо большей степени, чем Джессика и Юнити, на которых она оказала сильное влияние. Может быть, она была одной из самых загадочных женщин в истории. Говоря о “сестрах Митфорд”, подразумевают в первую очередь ее и Нэнси, потому что без Дианы и Нэнси эти шестеро не приобрели бы подобного значения.

Диана воплощала мистическое и неукротимое начало. Нэнси – незаконное очарование, возвышенные пустяки, шуточки, используемые для самообороны. (“Всегда найдется причина для смеха”, – писала она, умирая от рака.) Такое распределение ролей, конечно, упрощает дело.

Двойственную природу сестер Митфорд невозможно разделить, их очарование рождается как раз из таких противоположностей и парадоксов.

Нет такого слова – “митфордианский”, но оно бессмысленно, как и слова “прустовский”, “диккенсовский”, “гилбертианский”. Этот эпитет что-то говорит всем, кто не вникал в биографии шести сестер, но так или иначе представляет себе их совокупный образ.

За причиной далеко ходить не надо. Элементы, составляющие феномен сестер Митфорд, разнообразны, сложны и противоречивы, но главную роль сыграло то обстоятельство, что “феномен Митфорд” был упакован, обвязан красивой ленточкой с пышным бантом, и сделала это Нэнси. Это она создала миф “Митфордов”. В 1945 году она вписала свою семью в роман “В поисках любви” и далее растила и культивировала “митфордианство” (ее примеру последовала Джессика с автобиографией “Достопочтенные и мятежники”), пока не сложился образ аристократического очарования, притягательный и недоступный и столь же опасно-затягивающий, как наркотик.

Без Нэнси у каждой сестры оставалась бы ее собственная биография, особенно примечательная у Юнити, но их значение как целого – культурное и общественное – обеспечила старшая из девочек Митфорд. Возможно, она не была самой умной – самой умной считалась Диана, – однако Нэнси была наиболее проницательной и сумела, всмотревшись в прошлое, собрать все нити своими хорошенькими маленькими ручками и преобразить факты в искусство.

Сделав это, написав “В поисках любви”, с дотошной тщательностью сохранив семейные воспоминания и светотенью придав им вневременную ценность, она создала вполне отчетливый и определенный мир, то есть миф. Ее роман настолько глубок и *прочувствован*, что в него вошло гораздо больше, чем она осознанно собиралась поместить в книгу за три месяца, которые ушли на работу над ней. Здесь можно проследить генезис митфордианского мифа, а главное в этом мифе – образ Англии.

Чтобы вполне понять этих шестерых сестер, нужно отправиться в Котсуолдс, где они росли, в соседние деревни Астхолл и Свинбрук, стоявшие когда-то на земле их отца. Четыре сестры – Нэнси, Юнити, Диана и Памела – похоронены на кладбище при церкви Святой Девы Марии в Свинбруке. И более всего поражает скромность этого последнего упокоения: как это кладбище растворено в ландшафте, как спокойно приемлет ход времени и саму смерть, как непохоже оно на ту блестящую, безумную гонку, в которой сестры прожили эпоху и оставили свой след в мире. “Не называй борьбу бесплодной” – гласит надгробие Юнити. Этот стих трогает душу, особенно здесь, на тихом и мирном квадрате зелени, где царит молчание, прерываемое лишь деликатными трелями певчих птиц да псалмом, который поют в церкви. Здесь борьба, изуродовавшая краткую и мучительную жизнь Юнити, лишается всякого значения.

От церкви с мемориалом Тома Митфорда и дубовыми скамьями, купленными лордом Ридсдейлом на выигрыш в скачках Грэнд-Нэшнл 1924 года, чуть больше мили до усадьбы Астхолл, где прошло детство Митфордов, основная его часть. Там сформировалось воображение девочек, на земле оттенка пера фазаночки, в неглубокой плоской долине среди бескрайних полей, стен сухой кладки, здоровых упитанных овец и неумолчного шелеста реки Уиндраш. Сам Астхолл, темно-коричневый, с фронтонами, словно врос в эту землю корнями, как гигантское дерево, и рядом с ним тоже церковь – окна детской выходили на кладбище.

Англия изменилась до неузнаваемости с тех пор, как в этом уголке Оксфордшира росли девочки Митфорд, но Астхолл и Свинбрук с виду остались те же, и усадьба Астхолл – прекрасный образец неизменного идеала английского сельского дома. На фоне такого магического постоянства разворачивается сюжет “В поисках любви”. Нэнси воссоздала Астхолл под именем Алконли, населила своими родственниками и описала, не идеализируя, но с той же волшебной легкостью и ясностью, с какой солнце рассеивает лучи над утренними полями.

Разумеется, не обошлось без фантазии: Митфорды были не совсем такими, как Рэдлеты, выдуманные Нэнси. Буйная эксцентричность лорда Ридсдейла передана достоверно, как и некоторые его привычки, например, записывать имена неугодных людей, многократно протыкать листок булавками и в таком виде прятать в ящик, но “дядюшка Мэтью” вышел более простым и уверенным в себе человеком, чем прототип, и “тетя Сэди” оказалась добрее и благожелательнее, чем была мать Нэнси. Хотя книга охватывает тот самый период времени, когда “девочки Митфорд” устремились каждая к своей политической крайности, ни слова не сказано о том, что Гитлером восхищалась и сама леди Ридсдейл. Откорректированы и пугающе наивные ремарки лорда Ридсдейла в адрес довоенной Германии. “Господи, вот уж не думал, что доведется принимать в своем доме чистокровного гунна”, – заявляет дядя Мэтью, когда на дебютном балу его дочери появляется сын управляющего Английским банком по фамилии Крезиг. Темные страсти Юнити и Дианы также не вошли в роман, а бегство Джессики представлено в самом легкомысленном свете: Джесси в этой книге соединяется с актером из Голливуда, а Линду в коммунисте покоряет главным образом неотразимая внешность.

Роман задает непрерывный и нерушимый цикл. Сезоны сменяются в мирном ритме сельской жизни: в одну пору – охота, в другую – ягнятся овцы, юные Рэдлеты порхают, как бабочки, в поисках света и блеска, а в сердцевине этого повествования усадьба Алконли, ушедшая корнями в землю, с которой непостижимыми узами связан дядя Мэтью.

На самом деле у Митфордов имелось три семейных дома, но примыкавшая к ним земля была распродана. Вместе с титулом лорд Ридсдейл унаследовал в 1916 году обширные имения, но удержать их не смог. Первым (вместе с 10 000 акрами земли) ушел Бэтсфорд-парк в Глостершире, сказочный старинный замок, перестроенный его отцом. В 1926 году пришлось расстаться с Астхоллом – домом и имением. Усадьбу, столь любимую всеми Митфордами, заменил только что построенный сразу за деревенской околицей дом в Свинбруке – холодное, строго симметричное здание. Нэнси придала Алконли некоторые внешние черты Свинбурка – “он был угрюм и гол, словно казарма, возведенная на высоком холме”, – но оживила атмосферу в нем. На самом деле новый дом устраивал только Дебору. Девятилетняя Джессика после переезда в Свинбрук (“Свинский брук”, – заклемила его Нэнси) мечтала покинуть его. Она копила “деньги на побег” и умоляла отправить ее в школу; ее просьбу исполнили, однако лишь ненадолго. Когда Джессика выросла и бежала со своим коммунистом, лорд Ридсдейл, возможно, упрекал себя за ее не слишком счастливое детство. Хотя мятежная юность Джессики, бунтарство, продолжавшееся и в зрелом возрасте, имеют более сложную подоплеку, переезд в Свинбрук сыграл свою роль: с этого начался распад семьи. “Покинув Астхолл, мы никогда уже не вели нормальную семейную жизнь”, – писала впоследствии Диана⁹. Нэнси печально шутила о превратностях фортуны: от замка (Бэтсфорд-ПАРК) они постепенно (Астхолл-МЭНОР) дошли до обычного дома (Свинбрук-ХАУС). А после продажи в 1938 году Свинбрука у них вовсе не осталось загородных домов. Той жизни пришел конец.

Трагическая ирония: к тому времени, когда роман “В поисках любви” вышел в свет, с лица земли исчезло практически все, что он символизировал. Погиб не только мир феодальных обязательств и единства со своей землей, но от самой семьи Митфорд мало что уцелело. Вымышленных Рэдлетов тоже постигли трагедии и перемена мест, но семья оставалась нерушимой, вечной, вопреки ходу времени. В реальности громокипящие идеологии 1930-х, безликие и равнодушные к личному счастью человека, оставили Митфордов сокрушенными и павшими духом.

Нэнси обрела творческую радость, сочиняя “В поисках любви”, но это был также акт искупления – дорогой ценой. Она прославляла безвозвратно утраченное – свое прошлое и прошлое своего сословия. И ей удалось вызвать читательский отклик, который не смолкает до сих пор.

После войны, хотя к власти и пришло в 1945 году правительство лейбористов (за которое голосовала и сама Нэнси), люди все еще ностальгически вспоминали то, чем обладали Рэдлеты, – легкость, уверенность и неспешность, шарм, благодаря которому жизнь казалась не столь жесткой и жестокой, а главное – укорененность в Англии. Конечно, людям нравилось читать об этом. Как и опубликованное в том же 1945 году “Возвращение в Брайдсхед”, книга Нэнси Митфорд имела мгновенный, ошеломляющий успех. В первый же год разошлось 200 000 экземпляров, ко времени смерти Нэнси (1973 год) было продано свыше миллиона книг, и даже сейчас, когда высшие классы превратились в единственное меньшинство, над которым можно насмеяться без ущерба для политкорректности, эта книга все так же популярна. Не менее популярно и не менее обаятельно ее продолжение, “Любовь в холодном климате” (1949 год), в котором Рэдлеты оттеснены на второй план. Нэнси Митфорд – несомненный талант, пусть и не из высшей лиги, но она умела то, что оставалось недоступно другим. Она строила повествование так, чтобы воплотить самую суть описываемого и даже *стать* ею. Со временем она превратилась в улыбчивого привратника при особом образе Англии (не Великобритании), и этот образ привлекает не только своим смыслом, но и тем, как он подается. Нэнси писала о высшем классе не так, как ее друг Ивлин Во (с почтительной серьезностью, слегка прикрытой шуточками), – она относилась к аристократам как к самым обычным людям (кем они для нее и были). При этом она не окарικатуривает и комических своих персонажей, ко всем относится доброжелательно и с пониманием. Но юмор, пронизывающий ее существо до мозга костей, помог Нэнси ясно видеть себя и свой класс и смеяться над собой – даже над своим кредо.

Она изображает аристократию легкими штрихами, не стесняясь, и сама воплощает почти детское бесстрашие высших классов, отказ набрасывать покров смущения и осторожности на слова и поступки. Взять хотя бы реакцию Линды Рэдлет на собственную новорожденную дочь. “Милосерднее будет не смотреть”, предупреждает она кухню Фанни, и кухня тоже с ужасом глядит на “вопящий апельсин” в пленках. Вполне естественная реакция для многих, кого вынуждают сюсюкать над колыбелью, но далеко не всякий решится дать ей волю, а те, кто позволяет себе выражать подобные чувства вслух, чаще всего этим бравируют. Нэнси не такова. Она пишет самые возмутительные вещи с той же вежливой, женственной точностью, что и любые другие. Линда, отправляясь на поезде в Испанию, признается кухне, что боится путешествовать одна. “Едва ли ты останешься в одиночестве, – подбадривает ее Фанни. – Иностранцы весьма склонны к насилию, как я слышала”. – “Это бы неплохо...”

В романе “Любовь в холодном климате” на свет появляется еще один ребенок, у красавицы Полли и ее отвратительного мужа. “Стоило младенцу глянуть на своего отца, как рассказывали Рэдлеты, и он тут же скапутился”. Мы смеемся в этом месте, и смех отчасти вызван шоком, но сама Нэнси не собирается никого шокировать, и ее ничто не шокировало. Безупречные манеры сочетаются в ней с полным пренебрежением к приличиям, и более всего приличия подрывает ее отказ от серьезности. Приехав в Перпиньян помогать беженцам из Испании (этот тяжелый и грустный труд она выполняла заботливо и эффективно), Нэнси не удержалась от шуточки: ждите, скоро и Юнити подоспеет. Ничего столь возмутительного в ее романы не проникало. Они все же не истина в чистом виде, а истина, превращенная в товар.

Особое свойство текстов Нэнси, их митфордианское качество заключается как раз в этой прямодушной легкости. Эта черта присуща всем сестрам, до некоторой степени и отцу семейства. Они оттачивали прямоту друг на друге, а порой апеллировали к галерке, как Джессика в “Достопочтенных и мятежниках”, но это и был естественный для них язык. Прекрасный пример – Диана. Ее вместе с Мосли подвергли аресту по подозрению в симпатии к врагу, и три года в Холлоуэе она переносила ужасные условия и нравственные страдания. Тем не менее, как она говорила мужу, “просыпаясь утром в одиночестве, по крайней мере чувствуешь себя единственной”. Эта шутка, рожденная страданием, легкость, свидетельствующая о неукротимом духе, а в первую очередь, полная естественность (Диана не пыталась изобра-

жать из себя шутницу, она говорила то, что думала) – безусловно митфордианские. Такова и вся их система семейных прозвищ, ставшая общим достоянием – Туддер (Том¹⁰), Торт (Королева-мать¹¹), Бутсы (Сирил Конноли¹²), Джоан Гловер (фон Риббентроп¹³) и Декольте (президент Кеннеди¹⁴), – до такой степени общеизвестная, что грозит превратиться в нудятину (наскучить), но сами шутники в этом не виноваты. В романах Нэнси слегка откорректировала эти шутки, но главный голос в них – ее собственный¹⁵, митфордианский, то есть мы слышим особую, прямую, с широко раскрытыми глазами, полную игры воображения речь, невыносимую для одних, неотразимую для других, но всегда неподражаемую. Удивительное сочетание детскости и аристократичности. Порой эта речь чересчур экспрессивна (“Неча спорить!”, “О, ты так добра, сама доброта!”, “Она дииивная”), но долговечность ей придает ее пронизательность, умение попасть прямо в яблочко. “Знаешь, быть консерватором намного спокойнее, – говорит Линда Рэдлет, ушедшая к коммунистам. – Правда, понимаешь, что это вовсе не хорошо. Но этому отводятся определенные часы – и все”.

А уж быть тем, к кому обращена митфордианская речь, – чистейшее наслаждение. “Да ведь вы умница!” – похвалила меня Дебора, стоило мне всего лишь припомнить кличку одной из скаковых лошадей ее мужа. “Мисс Томпсон и умна, и мила”, – рекомендовала меня Диана пожилому джентльмену, присоединившемуся к нам в Париже за чаем. Меня они покорили, но это случалось с каждым, кому довелось познакомиться с ними (у Дианы и Карл Маркс ел бы с рук). Их манера говорить была лишь внешним выражением их шарма, и в том-то вся суть: сколько ни анализируй, сколько ни разбирай на компоненты феномен “девочек Митфорд” – ушестеренное влияние, происхождение и воспитание, эпоху, умение подать себя, силу духа, юмор, – всегда остается главный, всепроникающий элемент обаяния. И этим они тоже могли довести до исступления, но загадка их очарования неуничтожима.

Сам факт, что сестры Митфорд обладали неотразимым шармом, тоже не уникален. Многие в этом круге знали, как очаровать собеседника, – этим искусством владели и Диана Купер, и лорд Бернере, и сэр Гарольд Эктон и, на более зловещий лад, Вайолет Хаммерсли. Это естественное качество высшего класса, имевшего достаточно досуга, чтобы плести свою эфемерную паутину, и достаточно уверенности в себе, чтобы преодолевать сопротивление. “Сливочный английский шарм”, как выразился Ивлин Во, увековечивший его в “Возвращении в Брайдсхед”, потоками изливался в общество, и умиротворяя и отравляя его.

Но очарование Митфордов, которое, при всей своей высокогорной прохладе, обладало существенным свойством облегчать жизнь, было шармом с большой буквы. И шарм этот был вполне осознанным, особенно с тех пор, как Нэнси его возвела в миф. Митфорды использовали свое очарование как прием, как часть игры, в которую приглашали и тех, кого они очаровывали, и именно благодаря осознанности и самоиронии их очарование не рассыпалось в прах.

Шарм “девочек Митфорд” как целого в значительной степени – творение Нэнси. Но ведь существуют и реальные шесть сестер, шесть женщин, каждая из которых была на свой лад, безусловно, очаровательна, однако в них намешано и многое другое. В особенности странным кажется даже упоминать шарм, когда речь идет о Юнити. И это, пожалуй, самый поразительный аспект в совокупном митфордианском образе: этот образ услаждает, он завораживает – и в то же время включает в себя так много вовсе не очаровательного. Или это снова действие шарма, которое вынуждает закрывать глаза на иные, смертоносные симпатии девочек Митфорд?

Если б не мифологизаторский талант Нэнси, по отдельности каждая из шести биографий (за исключением разве что Памелы) была бы увлекательна, однако благодаря Нэнси, сумевшей вывести на рынок себя, свою семью и свой класс, до сих пор сохраняется интерес ко всей полудюжине как единой “упаковке”. Как сейчас сказали бы, сестры были “символами”. Соберите воедино Одри Хепберн в роли Холли Голайтли, Пэтти Херст в пору Симбионистской армии

освобождения, девушек в жемчугах из “провинциального романа”, пирующих в полночь учениц частной школы из повестей Энид Блайтон и юных улыбочивых богинь с мраморного фриза. Их значение выходит за пределы реалий современной им эпохи и становится символическим – так ныне происходит почти со всем.

Им воздают честь тематические модные съемки (твид, маленькие шляпки, элегантные сапоги, походные посохи) и блоги (“Божественная Дебо” – вполне характерный заголовок для постов такого рода). Недавно вышла книга “Руководство по жизни от девочек Митфорд”. Вполне можно было бы водить экскурсии по разнообразным местам их обитания (Свинбрук, Чэтсуорт, тюрьма Холлоуэй). Они постоянно упоминаются в поп-культуре. Знаменитое детство Кейтлин Моран – где восемь детей-самоучек носились по социальному жилью в Вулвергемптоне – выглядит как пролетарская вариация на тему девочек Митфорд. С другой стороны, сестры были объектами сатиры, и современники-комедиографы состязались в остроумии на их счет. В шоу Би-би-си-2 “Люди Беллами”¹⁶ две актрисы, состарившиеся копии Джессики и Дианы, сидят в гостиной под портретами Сталина и Гитлера и они великолепно воспроизводят “лепет” Митфордов: “Сталин, он был ужасно привлекательный. Эти замечательные мужицкие усы... до невозможности сексуально!” – “Фуффи – о, я звала фюрера Фуффи, милый мой Фуффи, – его так неправильно поняли...” Нельзя сказать, чтобы эти шутки свидетельствовали о сильной любви к “девочкам Митфорд”, но ведь “девочки” и не внушали к себе любовь: понятно, что они вовсе не белые и пушистые. Шутка в первую очередь адресована нам, тем, кто восхищается поклонницами смертоносных идеологий.

Это ведь и правда извращение. Общество ныне погружается в нирвану неосуждения, и если что осталось безусловно неприемлемым, то именно те понятия, которые символизирует имя Митфордов. И тем не менее – соблазнительный образ. Как это вышло?

Возможно, перед нами разновидность синдрома “Аббатства Даунтон”: люди ищут комфорта в веке иерархий, предрассудков, определенности – иными словами, в аристократическом прошлом. Ныне принадлежность к высшему классу может обрушить вам на голову гнев небесный, учиться в частной школе – “хуже убийства”, как отзывалась Линда Рэдлет о неведомых грехах Оскара Уайльда; говорить со “стандартным английским” произношением или завести лабрадора – значит навлечь на себя обвинение в элитарности, но стильность сохраняет свой таинственный флер, и воплощением ее остаются сестры Митфорд. В романе “В поисках любви” Нэнси воссоздает этот мир с уютной, приветливой легкостью и все же огораживает его незримыми барьерами. И читатель пленен – пленен не только юмором и шармом. Нам *нравится* то, что описывает Нэнси, мы бы рады освободиться и возненавидеть этот мир, и все же мы в большинстве своем не хотим, чтобы он исчез. Что мы будем делать без высших классов? Мы собьемся с пути. Лишь бы представитель высшего класса вел себя желательно в соответствии со статусом, озорно посмеиваясь над собственной эксцентричностью, – и эгалитарная Британия его извинит.

Митфорды, достаточно склонные к популизму, не забывающие про галерку, прекрасно умели подавать свой класс для всех классов. Дебора охотно высмеивала свой акцент: “Смешно. Такое глупство. А здесь [в Дербишире] звучит даже еще глупее”¹⁷. “Высший класс – такая скука, словами не передать”, – заявит она из цитадели Чэтсуорта. Эта свобода ума и насмешка над собой – типичное митфордианство, другой вопрос, насколько они глубоки. В письмах Дебора пренебрежительно отзывается о симпатии Джессики и ее семейства к левому крылу (“Боюсь, Чэтсуорт покажется им недостаточно прогрессивным”). Представителя среднего класса за подобные замечания разорвали бы в клочья, но “удивительно стильной”¹⁸ Деборе все сходило с рук. Ее автобиография “Подождите меня!” откровенно выражает недовольство новыми лейбористами и в типичном для сельской дамы стиле расправляется с Айвором Новелло, который, гостя у нее в Девоншире, посмел назвать ее рабочего уиппета “славным

бежевым мохнатиком” (Нэнси вполне могла выразиться в таком же стиле, но Дебора этого категорически не одобряла). С другой стороны, Диана лично была лишена каких-либо признаков снобизма и искренне смеялась, прислушиваясь к своему “вычурному”, как она считала, голосу в телевизоре¹⁹. Но это в частной жизни, а когда бралась за перо, то проявляла внезапное и точное понимание, кто есть кто. “Леди Сибил Коулфакс не может существовать в реальности”²⁰ – типичное для нее замечание в книжном обзоре. В опубликованном дневнике Дианы приводятся слова лорда Стратмора: дескать, будь у него ружье, он бы застрелил другого пэра за невежливый отзыв о королеве. “До чего же мы докатились, если у шотландского землевладельца в августе не оказалось под рукой ружья?”²¹

Кстати, “шотландский” в этой фразе – *Scotch* (а не *Scottish*), что типично для “В”. Спор о “В” и “не-В” – вечное яблоко раздора во всех классовых вопросах. Подобные градации есть и в романе, но “В поисках любви” приглашает читателя позабавиться вместе, и это принципиально: та же вкрадчивая лесть, что и, например, в фильме “Четыре свадьбы и одни похороны”, где зритель тешит себя иллюзией, будто видит на экране собственную жизнь (включая празднества в замках). И напротив, эссе “Английская аристократия” обсуждает ситуацию в лоб и дает ясно понять, что шутить позволено только автору. Хотя это разделение не ею придумано (сами обозначения “В” и “не-В” принадлежат лингвисту Алану Россу), однако Нэнси, именно потому, что она принадлежала к этому классу, разожгла костер ненависти. Множество людей приняли к сведению ее строгие правила и в жизни больше не поминали “каминную полку”, но при этом она ухитрилась задеть их за живое. (“Могло бы найтись занятие поинтереснее, чем слушать по телевизору суждения этой снобки о классовых различиях”, – писала недовольная зрительница после появления Нэнси на канале Би-би-си.) И даже поклонники не были *очарованы*, как в ту пору, когда тетушка Сэди выражала мнение, что Саррей – неподходящее место для сельского дома. Хорошо еще, что никто не читал письмо Нэнси, написанное в 1957 году после землетрясения в Мексике и успокаивающее Джессику насчет судьбы ее дочери: “Такие люди, как мы, *никогда не погибают в землетрясениях*, к тому же пострадало всего 29 человек, сплошь не-В”. “Подначивание” Нэнси бывало бесчувственным – она смягчала его, обращаясь к читателям, но не считала нужным делать это перед друзьями и тем более перед членами семьи. В наше время подобное замечание вызвало бы, пожалуй, не меньшее возмущение, чем дружба с Гитлером, но если бы Нэнси дожила до того, чтобы услышать такую критику, она бы отразила ее улыбкой, как отражала бурю, вызванную ее рассуждениями о “В” и “не-В”. Обвинения в снобизме и душевной пустоте градом сыпались на ее элегантную голову – и она выдержала их не моргнув глазом, как, не дрогнув, перенесла ее сестра Диана поношения, которые большинство людей едва ли смогло бы стерпеть.

Эта уверенность в себе – спокойная и вместе с тем тверже алмаза, – она-то и завораживает, в особенности женщин. Аристократическая самоуверенность в изысканном женском варианте, которой современные женщины, хотя и обрели большую свободу, едва ли сумеют достичь.

Казалось бы, настала пора для полной женской уверенности: мужчины вынуждены ходить вокруг нас на цыпочках, почтительно; современная культура убеждает, что мы можем выбрать себе любой путь в жизни; книги советуют ценить в себе все изъяны, однако стремиться при этом к совершенству... и все это нисколько не ободряет, скорее наоборот. Женщины оказались словно в гермокабине, постоянно должны быть настороже, особенно присматриваться к тому, как живут другие женщины – не лучше ли, чем *ты сама*. Может быть, нужно печь печенье или создать международную компанию? Внешне походить на лауреатку “Оскара” или, напротив, восстать против тирании заботы о внешности? Сбривать волосы по всему телу или помещать в твиттере фотографии бунтарских подмышек? Стать домашней богиней, сладкой мамочкой,

альфа-самкой, префеминистской, феминисткой, постфеминисткой, феминисткой, но из тех, кто не против подтяжки лица?.. Хаос.

Казалось бы, ответ прост: будь собой. Но ведь так трудно понять, кто ты. Вот почему нас околдовывают Митфорды, столь уверенные в любом своем выборе, даже безумном.

Они бестрепетны, избавлены от сомнений. И этого состояния нам сегодня не достичь. Дело не в деньгах – в доме сестер Митфорд хватало вещей, но их приходилось продавать – и не только в принадлежности к привилегированному кругу, привилегии лишь смягчают удары судьбы. Побег Джессики, публичный позор Юнити и Дианы, распад семьи, выкидыши, болезни, утраты – о Митфордах можно было бы снять мыльную оперу с постоянными драмами, и сестры обладали жизненной устойчивостью матриархов этого жанра. Что бы ни случилось, они принимали это с ясным челом. Как говорила Нэнси, всегда найдется, над чем посмеяться. Из этого не следует, как заметила однажды Диана²², что они были непременно счастливы, нет, но всегда отыскивали что-то забавное, и в этом заключалась подлинная философия, стремление к легкости, очень даже неплохое руководство для жизни. Бесценная способность подняться над бедами и рассматривать их как нечто преходящее, не придавать им такого уж значения – мало ли на что наткнешься по пути к тихому кладбищу в Свинбруке. Не стоит страдать.

Терапевтичны воспоминания о том, как Диана беспомощно тряслась, не в силах сдерживать смех, когда народный певец завывал свои “хей-нонни-но”: “Его пригласили в Холлоуэй развлечь арестантов, но такого развлечения не предполагали”. Чудесно читать отзыв Нэнси о французском любовнике, Гастоне Палевски: ему сравнялось пятьдесят, “и он терзается по этому поводу. Я не страдала ни из-за каких ужасных возрастов, которые меня постигли, так что едва ли его пойму”. Или вот Нэнси обсуждает на смертном одре с Деборой свое наследство: “Мы животики надорвали, хохоча над завещанием”. Дебора, потерявшая в родах третьего ребенка, сообщает, что деревенская повитуха титуловала ее “миледи” “в самые непристойные моменты”. А Диана заявляет, что секс, из-за которого столько шума, не сложнее батончика “Марса”²³. Все, что мы принимаем так близко к сердцу, – страдание, старение, смерть, рождение детей, любовь... Митфорды тоже относились к этому серьезно в глубине души. Но даровали себе свободу, притворяясь, будто все это не столь важно.

При всем своем бесстрашии девочки Митфорд все же соблюдали определенные границы. Они являют нам смесь церемонности и анархии, которую теперь уж не воспроизвести: революционерки с личным парикмахером, ниспровергатели авторитетов, которым в голову бы не пришло налить молоко прежде заварки, трансгрессоры в твиде. И этот неистребимо дамский способ нарушать правила тоже очаровывает женщин.

Разумеется, очаровали они и меня. Помню, как Диана изящно движется по светлой и полной воздуха квартире в Седьмом округе Парижа, высокая и хрупкая, словно длинная прядь серовато-белого дыма, невероятно красивая в свои девяносто лет. Скулы как будто точенные резцом Пановы, щеки чуть приподнимаются в беззвучном митфордианском смехе. И я слышу, как она говорит, легко, мимоходом: “У меня была фантастическая жизнь”. Или Дебора – спокойная, сильная – сидит, подняв повыше ноги на приступочке, в просторной и неформальной гостиной в Чэтсуорте, читая мне нотацию: женщина должна обзавестись мужем и детьми, “все как следует”, и хотя это наставление полностью противоречит моим планам, я почему-то так и не смогу от него отмахнуться. И Нэнси, замечательная Нэнси, создательница митфордианского мифа, наделенная острым умом, романтичностью, цинизмом, счастливым умением радовать читателя каждым поворотом фразы, – когда я впервые, примерно в тринадцать лет, ее прочла, я едва могла поверить (так придавили меня Элиот и Харди), что подобное удовольствие дозволено, что книга может быть не глыбой, а легче вдоха и тем не менее сообщать вечные истины. Мало кто из женщин может устоять перед Нэнси (ее сестрам это удавалось, но это отдельная история). Силуэт от Диора, французские бульдоги, пружинящая энергия, пронизательные “глупства”, любовь к парижскому остроумию и изяществу семнадцатого века, ее манера обо-

значать идеальный вечер как “долгие часы улыбок и любезностей” – все это отвечает женской потребности в элегантности посреди неэлегантного века. Но есть и большее: подлинная сущность, повседневная отвага под маской легкомыслия. И ее романы, как и романы Джейн Остин, можно истолковать неверно, в угоду женским фантазиям. Линда Рэдлет знакомится с неотразимым французским герцогом и поселяется в квартире в Шестнадцатом округе; Лиззи Беннет знакомится с грозно-загадочным владельцем великолепного имения, и обеих любят за их Подлинную Сущность... Разумеется, ради такого истолкования придется закрыть глаза на все, что таится в тени этих повествований. В романе “В поисках любви” настойчиво обозначено присутствие смерти, словно кладбище, видное из окна Астхолла. Как и “Гордость и предубеждение”, этот роман не забывает предостеречь читательниц, что любовь и счастливая развязка – дело случая, что жизнь коротка и одно неосторожное движение пускает ее под откос. Но вечно пребудет – не только в этой книге, во всем, что написано Нэнси, – ее ясная утвердительность. Ее интонация – это призыв счастья, здорового юмора. Так я узнала, что легкость вполне сочетается с глубокой серьезностью, и это был ценный урок.

Вот почему я бесконечно благодарна Митфордам, митфордианству, которое делает жизнь более приятной, хотя и не прячет другую ее сторону. Позвольте еще пример скрытой реальности: после войны Диана страдала от жестоких мигреней, однако это не сказывалось ни на ее облике, ни на ее спокойной сдержанности. Можно считать это метафорой отношений с внутренними *бурями*. Немалую цену приходилось платить за принадлежность к такому секстету. В 1971 году Нэнси сказала в интервью, что сестры служили друг другу защитой “от жестокости жизни”, на что Джессика, которая еще в 1944 году в похвалу своей дочери заметила: “В ней нет и следа Митфордов”, возразила: самое жестокое в жизни – сами сестры, “и особенно Нэнси”. Семейная динамика – типичная драма женского соперничества, с постоянными, на протяжении всей жизни, сменами конфигураций. Поначалу Нэнси ревновала к Пэм, позднее – к Диане, Джессика завидовала Деборе, Юнити находилась под обаянием Дианы, Нэнси заключила недоверчивый союз с Джессикой, Диана критиковала Нэнси – и так далее, до самой смерти. Но в целом, за одним существенным исключением, эти запутанные семейные узы не разрывались. Сестры часто встречались, большую часть жизни переписывались, но в восьмидесятые годы, когда наружу вышли некоторые секреты, – в частности, то, что Нэнси писала одной сестре насчет другой, уповая, что эти строки никогда не попадутся на глаза той, кого они обсуждали, – вся семейная структура вновь пошатнулась.

Или вот еще. В письме, адресованном Деборе в 1989 году, после предварительного интервью для “Дисков необитаемого острова”, Диана высказала мнение, что – вопреки энтузиазму восторженной девицы, явившейся к ней с радио за интервью, – ничего особенного в сестрах не было, за исключением только Юнити. “Конечно, Пташка была оригинальна в высшей степени, но мы, все остальные, – ничуть не так”. Весь феномен создан и раздут газетами, решила она.

Ревизионистский подход к Митфордам стал бы попыткой рационально объяснить их тайну. Можно, к примеру, рассматривать их как типичную семью высшего класса, в которой выросло множество дочерей, причем половина из них заинтересовалась экстремистскими, но крайне модными идеологиями. Вот и все? Да, для тех, кто отвергает миф о Митфордах, на этом и точка. За скобками остаются талант Нэнси и ее неумирающие книги, умение Деборы сохранять национальное достояние Чэтсуорт-хауса и мгновенно очаровывать таких мужчин, как Джон Кеннеди, беспощадный политический пыл Джессики, Дианы и бедняги Юнити, “оригинальной Пташки”. Даже невероятное разнообразие их знакомств – Уинстон Черчилль, Джон Кеннеди, Йозеф Геббельс, Ивлин Во, Адольф Гитлер, Люсьен Фрейд, Литтон Стрейчи, Майя Энджелу, фельдмаршал Монтгомери... можно сколько угодно продолжать – свидетельствует о таких связях со своей эпохой, что они уже сами по себе имеют огромное значение.

Неча спорить!

Часть I

Families! Je vous hais!
Андре Жид Les Nourritures terrestres¹ (1897)

1

Опубликованное в 1955 году эссе Нэнси “Английская аристократия” запомнилось главным образом благодаря делению на “В” и “не-В”, хотя на самом деле гораздо интереснее и глубже другая часть эссе, размышление о характере английского аристократа. Так, о воображаемом лорде Фортинбрасе автор сообщает, что из-за полного неумения обращаться с деньгами и поместьями “он заслуживал разорения и разорился”. Она вполне могла подразумевать собственного отца, второго лорда Ридсдейла.

“Вы как раз достигли энергичного возраста двенадцати лет, – писал Ивлин Во в «Открытом письме» в ответ на эссе Нэнси, – когда ваш отец унаследовал титул, и еще за год до того вероятность, что он когда-либо станет пэром, казалась ничтожной... Если бы ваш дядя не погиб в бою, если бы родившийся после его смерти ребенок не оказался девочкой, всех вас, чудесных деток, увезли бы на ранчо в Канаду или овцеводческую ферму в Новой Зеландии. Заманчиво было бы пофантазировать, как бы сложилась ваша жизнь в таком случае”.

Разумеется, Во поддразнивал свою корреспондентку, но писал он правду. Дэвид Митфорд унаследовал титул после смерти своего старшего брата Климента, чья жена через несколько месяцев после гибели мужа родила дочь. Лишь этот поворот судьбы наделил девочек Митфорд титулом “достопочтенных”. Иными словами, Во намекает, что роль писателя высшего класса взяла на себя отнюдь не самая знатная его представительница. И поскольку сам Во был всю жизнь заморожен той же темой, на социальный статус своего доброго друга Нэнси он взирал со смесью восторга, зависти и пристальной критики. Но и он не мог сбросить со счетов факт, существенный для них обоих, – древность семейства Митфорд. Знатность в романах середины XX века нередко обозначалась словами “такие-то прибыли в Англию с Вильгельмом Завоевателем”, однако Митфорды обосновались на острове задолго до того и учили отличиям В от не-В еще англосаксов.

Хотя об этом Нэнси в своем эссе не упоминает, несомненно, ее тешила мысль, что ее предки владели Митфордом-возле-Морпета в царствование Эдуарда Исповедника, а дочь сэра Джона де Митфорда Вильгельм Завоеватель просватал за нормандского рыцаря. Замок сэра Джона, честь честью, с валом и рвом, построенный в Нортумберленде в XI веке и разрушенный примерно триста лет спустя, сейчас входит в число туристических достопримечательностей.

Нортумберлендские Митфорды – старшая ветвь семейства, а шесть сестер принадлежали к младшей линии, из Хэмпшира. Их предок барристер, тоже по имени Джон, удостоился в 1802 году титула лорда Ридсдейла. Годом ранее он ненадолго занял должность спикера палаты общин, а затем был назначен лорд-канцлером Ирландии и в этой должности не завоевал народной любви. В 1808 году он унаследовал от дяди своей жены Томаса Фримена Бэтсфорд – элегантный симметричный георгианский особняк среди ухоженного парка (сестры Митфорд иногда именовались двойной фамилией Фримен-Митфорд). В семействе не хватало прямых наследников: деду “девочек Митфорд”, Элджернону Бертраму Митфорду, Бэтсфорд достался

¹ “Семьи! Ненавижу вас” (фр.). Андре Жид. “Яства земные”. – *Здесь и далее примеч. перев.*

от троюродного дяди. При этом он не унаследовал титула, но в 1902 году титул был восстановлен, и Эджернон Митфорд стал первым бароном в этом новом отсчете.

Это был оригинальный человек, более замечательный даже, чем его сын Дэвид, увековеченный в романе “В поисках любви”. Берти Митфорд во всей полноте обладал свирепой энергией “дяди Мэтью” без присущей тому скрытой пугливости (персонаж романа не решается покидать свой дом). Он был из тех викторианцев, кто пронесся по жизни со стремительностью паровоза, у кого пар иссякал лишь на смертном одре. Некоторые черты сестер Митфорд восходят к нему: красивая внешность, нетривиальная мораль, умение писать то, что люди захотят прочесть, как и прочные связи с Германией.

Он родился в 1837 году, учился в Итоне и оксфордском колледже Крайст-Черч, после чего поступил на службу в Форин-офис и получил назначение в посольство в Санкт-Петербурге, затем в Пекине и Токио. Он говорил по-французски, по-русски, по-китайски и по-немецки, переводил на английский Канта и японских писателей. Этот его талант тоже достался потомкам: Дэвид безукоризненно владел французским, Юнити мгновенно освоила немецкий, чтобы общаться с высокопоставленными наци, Нэнси и Диана в разное время делали переводы¹. Писательский дар у Берти был не столь выдающийся, как у Нэнси, митфордианская ясность его прозы отчасти заглушается неизбежной для той эпохи “полнозвучностью”. Тем не менее его “Сказки старой Японии” пользовались огромным успехом. Получив приглашение присутствовать на последнем официально предписанном харакири, он составил отчет, который рецензент назвал “одним из самых страшных и незабываемых” из виденных им текстов. Он также написал книгу о своем пребывании в Китае, “Атташе в Пекине” (годы спустя сын Дианы найдет его подлинный, без самоцензуры, пекинский дневник, “сплошь отвратительный СЕКС”). Автобиография под неприятным заголовком “Мемуары” была опубликована незадолго до его смерти в 1916 году и стала “книгой года”, как обычно становились впоследствии книги Нэнси. Обозреватель отмечал, что при довольно свободной композиции эта книга “совершенно свободна от пустословия” – это же будут говорить и о книгах Нэнси.

В 1874 году Дизраэли назначил Берти секретарем Управления общественных работ. Он занимался перестройкой Хемптон-корта и руководил реставрацией часовни Святого Петра в окопах в лондонском Тауэре, где захоронены останки Анны Болейн. Попутно он был избран членом парламента от Стратфорда-на-Эйвоне. Водил знакомство с Диккенсом, Уистлером, Браунингом, дружил с будущим королем Эдуардом VII, которого консультировал по устройству садов Букингемского дворца (его внучка Дебора, отобедав в 1961 году у королевы, сообщила, что вышел “преобладающий парк”, населенный полевыми мышами). На собственной земле, в Бэтсфорде, где он обосновался в 1886 году, Берти выращивал бамбук и создал роскошный дендрарий. Он также не пожалел средств, снес старый дом и выстроил волшебный замок цвета тусклого золота – мечта успешного викторианца, – который и поныне светится фантастическими красками на фоне котсуолдского неба.

Про него говорили, что он “всюду побывал и все видел”. Да, он и впрямь объехал весь свет, хотя в его мемуарах чувствуется викторианец, совершающий “гранд-тур” в поисках не столько великих произведений культуры, сколько “впечатлений”: познакомиться с Гарибальди, поохотиться на буйвола. А его прогерманские симпатии – что за смесь наивности и общности интересов привлекла Берти к Хьюстону Стюарту Чемберлену, зятю Рихарда Вагнера, который оказал столь заметное интеллектуальное влияние на Гитлера?

Как любитель музыки Берти, естественно, ездил на фестиваль в Байрейте и охотно общался со всей семьей Вагнер. Особенно он сблизился с сыном композитора, Зигфридом, который был женат на уроженке Англии Уинифред Уильямс. Когда Нэнси в 1968 году посетила Байрейт, ее “пригласили навестить фрау Уинифред” и в ходе этого визита сообщили, что комнату Зигфрида украшала единственная фотография – Берти Митфорда. Уинифред, занимавшая в пору войны должность арт-директора фестиваля, была поклонницей Гитлера, и когда

в 1938 году Юнити заболела в Байрейте, а затем, съездив, вопреки советам врачей, на нацистский марш-парад в Бреслау, окончательно слегла, именно Уинифред, по просьбе фюрера, взяла на себя заботу о ней. Второе имя Юнити, Валькирия, было дано ей в честь великой оперы по предложению деда, несмотря на то что родилась она как раз в год, когда началась Первая мировая.

Дружба первого барона Ридсдейла с Хьюстоном Стюартом Чемберленом проистекала, вероятно, из общей любви к Вагнеру, но оказалась достаточно близкой, чтобы побудить Берти написать предисловие к трактату Чемберлена *Die Grundlagen*, или “Основания XIX века”, который был опубликован в переводе на английский в 1910 году. Англичанин по рождению, Чемберлен в 1916 году перешел в германское подданство. На его похоронах в 1927 году присутствовал Гитлер с ближайшими сподвижниками, а на родине его считали “худшим ренегатом за всю войну”.

Но задолго до войны, до смены подданства и “ренегатства”, Хьюстон в этом трактате не забыл включить в концепцию чистой “арийской расы” также и англичан. Эта раса, писал он, “наконец-то позволит наиболее одаренным индивидуумам посвятить свою жизнь надындивидуальной задаче”. Легко себе представить, как эта формула приглянулась Гитлеру: по общему мнению, именно теории Чемберлена послужили философским обоснованием и оправданием политики нацистов.

В иных кругах его сравнивали с Кантом и Шопенгауэром. Правда, критически настроенный автор некролога в “Таймс” напоминал, что покойный Чемберлен свел историю к расистскому делению на “тевтонов и антитевтонов, овец и козлиц”, – антитевтонами оказались евреи. Разумеется, страшный итог подобных размышлений в ту пору был еще не очевиден, а сам по себе грандиозный идеал общетевтонского союза вполне находил отклик в Англии, тем более что обе страны были связаны и древними общими корнями, и сравнительно недавними династическими, с тех пор как в 1714 году в Англии воцарилась Ганноверская династия. Не так уж удивительно, что Берти Митфорд поддался риторике Чемберлена, да еще и подкрепленной волнующими звуками вагнеровской оперы. Также вполне можно понять, почему многие аристократы, в том числе и сын Берти Дэвид, в тридцатые годы поддерживали Союз англо-германской дружбы, стремившийся предотвратить повторную войну между “тевтонами”. Но вот поступки Юнити и, пусть и не в таком масштабе, Дианы подвергают серьезному испытанию нашу готовность понять. Что тут сказать? Разве что – они были воспитаны в соответствующем духе, они с детства впитали темное величие “Лоэнгрин” и “Фауста” и считали немцев родными. Том Митфорд, самый близкий для Дианы член семьи, думал точно так же. Брат Берти женился на немке, а в 1914 году сын Берти Джек устроил роскошную, широко освещавшуюся в прессе “англо-германскую свадьбу”. Его женой стала наследница аристократического рода Мари фон Фридландер Фульд².

Но при всем своем космополитизме Берти не забывал о связи с родной землей, о местных корнях. Это было для него совершенно естественно. Так, он возглавлял Общество конного спорта в своем графстве, и Дэвид впоследствии, расплавив медали, выигранные отцовскими лошадьми, сделал себе золотой кубок. Его присутствие все еще ощущается в Мортон-ин-Марш, ближайшем к Бэтсфорду городе из такого же нарядного камня оттенка охры (цвет Глостершира), с отелем “Герб Ридсдейла” и крытым рынком, построенным за счет лорда. Оставил он и иные следы, ставшие для наследников сюрпризом: в 1962 году Дебора переслала Нэнси фотографию из журнала “Филд”, на которой был запечатлен смотритель Бэтсфорда – вылитая копия их отца. “Спасибо за нового дядюшку, он прекрасен”, – откликнулась Нэнси.

Берти – “дед-проказник”, как именовала его Нэнси, – славился такого рода подвигами, как и его мать. Высказывались даже предположения, что и сам Берти зачат в прелюбодеянии и предков “девочек Митфорд” стоит поискать не среди Ридсдейлов, а среди Сефтонов. Причина таких слухов вполне очевидна: едва Берти сравнялось четыре года, его мать, леди Джорджина

Эшбернэм (тоже из семьи, более древней, чем Нормандское завоевание), бежала с сыном графа Сефтона. Доказательств того, что будто Берти рожден от любовника, никогда не было, но публика охотно верила в это, как верила, что леди Диана Мэннерс (впоследствии Купер) – дочь издателя “Пэлл-Мэлл газетт”. “Меня здорово вдохновляют рассуждения о бастардах в «Томе Джонсе»”, – парировала Диана. Вероятно, примерно так же относился к этому и Берти. Его внучка писала в “Английской аристократии”: “Стыд – понятие буржуазное”. Отголоски семейного скандала ничуть не повредили ни карьере Берти, ни личной жизни. Вскоре после того как Эдуард VII взошел в 1901 году на трон, Берти “отобедал с Его Величеством” в Виндзоре. Женился он на дочери графа Эйрли, леди Климентине Огилви, что означало существенное продвижение по социальной лестнице: Эйрли владели настоящим замком, не самостроем. Возможно, именно поэтому теща Берти до конца жизни именовала дочь девичьей фамилией.

Графиня Эйрли, дожившая до 90 лет и скончавшаяся в 1921 году, происходила из рода Стэнли, чьи письма Нэнси впоследствии издала. Два тома, “Леди Олдерли” и “Стэнли из Олдерли”, вышли в 1938–1939 годах. (“За исключением нескольких досадных мелочей в связи с Мюнхеном, мисс Митфорд образцово справилась со своей задачей”, – отозвался обозреватель.) Про отца Нэнси и в некрологе писали, что он “унаследовал грозное величие олдерлийских Стэнли”, и эта “грозность” несомненно была присуща Генриетте Бланш Эйрли. В четыре года Нэнси услышала от нее афоризм, достойный “Аббатства Даунтон”: “Нет ничего более жалкого, чем леди, не говорящая по-французски”. Такого рода высказывания запомнились навсегда. Возможно, внучке передалось от Бланш и восхищение Вольтером, которым она в итоге увлеклась всерьез и написала в 1957 году “Влюбленного Вольтера”. В отличие от Митфордов, Бланш не была склонна к шуткам, однако “снобистская сторона” Нэнси помогла ей оценить причастность бабушки к высотам культуры, дружбу с Томасом Карлайлом, Мэтью Арнольдом и Гладстоном. В юности Бланш посещала салон Холланд-хауса в Кенсингтоне, где последний гранд-бал давали в 1939 году, накануне войны, а столетием ранее это было средоточие общественной, политической и артистической жизни Лондона, там бывали все, от Дизраэли до Байрона. На смертном одре Нэнси мужественно шутила: хорошо бы попасть в “правильную компанию” на небесах. Устроило бы ее общество тех, кто бывал в Холланд-хаусе?

Еще в одном Бланш и Нэнси близки: обе привечали умных мужчин. Высказывались предположения, будто среди умных кавалеров Бланш числился Берти Митфорд, и потому-то Бланш, наблюдая вблизи донжуанские ухватки будущего зятя, противилась замужеству дочери.

Опять-таки кто может знать наверное? *Почти* несомненно, что у Берти был роман с сестрой его жены Бланш Хозьер, чья дочь Климентина была очень похожа на Дэвида Митфорда. Бланш, несчастливая в браке, неоднократно меняла любовников, но, по-видимому, подруге признавалась, что Климентина рождена от Берти³. Внутрисемейные любовные связи продолжались и в следующем поколении: муж Климентины, Уинстон Черчилль, вроде бы имел близость с сестрой своей жены Нелли Ромилли, и ее сына Эсмонда, будущего мужа Джессики Митфорд, многие считали сыном Черчилля. Эсмонд поддерживал этот слух (он и внешне напоминал Черчилля), но главным образом по идеологическим соображениям: отпрыск правящей элиты, внебрачный сын первого лорда Адмиралтейства – с красным флагом в руках! Позднее Диана Мосли так описывала провокационное поведение Эсмонда: “Он делает это назло, подначивает”⁴.

Разумеется, сестры Митфорд подобные сенсации воспринимали совершенно спокойно. Все шесть были искусными женщинами, и если их родители, Дэвид и Сидни, вроде бы друг другу не изменяли, то дед по матери, Томас Гибсон Боулз, был слеплен из того же теста, что и Берти Митфорд. Незаконность *его* рождения сомнений не вызывала: член парламента Милнер Гибсон прижил сына от Сьюзен Боулз. Томас, рано лишившись жены (она погибла, пытаясь избавиться от пятой беременности, угрожавшей ее жизни, и ее судьба вплетена в финал “В поисках любви”), сменил нескольких любовниц, среди которых оказалась и гувернантка

его дочерей Генриетта Шелл (“Телло”), родившая ему трех сыновей. Никто даже не пытался “замести сор под ковер”. Сидни признавала всех сводных братьев, и Телло, родившая затем еще одного сына от морского офицера, с которым познакомилась в Египте, дружила с девочками Митфорд⁵ и часто гостила в Астхолле. В 1894 году Томас Боулз назначил ее редактором основанного им журнала “Леди” – талантливая и свободная духом женщина проработала в этой должности четверть века. В 1930 году Джордж, сын Томаса, унаследовавший журнал, предоставил Нэнси одну из первых в ее жизни журналистских вакансий, еженедельную колонку с обзором светских событий, ироническую по тону, однако по содержанию слаще меда. Но нельзя сказать, что карьере ей обеспечили связи, – к тому времени Нэнси уже писала заметки в “Vog”, и первый ее роман, опубликованный в 1931 году (“Шотландский танец”), вызвал у родственников скорее неудовольствие – как из-за “крайней непристойности”⁶, так и потому, что молодая красивая писательница “выставлялась” (например, ее фотография заняла целую полосу в “Санди диспэтч”). Вероятно, поколение Томаса Боулза и Берти проявило бы в этом случае большую терпимость – и столь же вероятно, что литературные опыты обоих дедушек подали Нэнси идею взяться за перо и укрепили в ней уверенность: опубликовать свои труды будет несложно (“У меня никогда не было с этим хлопот, – вспоминала она, – иначе я бы сразу сошла с дистанции”⁷).

Некролог в “Таймс” называл датой рождения Томаса Боулза (“Тапа”) 1844 год, хотя сам он писал: “Думаю, я родился в 1841”. Как и его приятель Берти Митфорд, Томас был человек энергичный, сверхпредприимчивый, и – это свойство унаследовала его дочь Сидни – скорее эксцентричный, чем очаровательный. Среди персонажей нашей истории он более всего, как это ни странно, напоминает сэра Освальда Мосли: оба они прославились своими выступлениями в парламенте и оба – то ли из принципа, то ли из упрямства – заняли крайнюю позицию, лишив себя таким образом надежд сделать карьеру на государственной службе. Тап, как сообщал автор некролога, “органически не переносил компромиссы, что, безусловно, стало главным препятствием для вхождения в кабинет”. Подобным образом и Мосли за шесть лет (1918–1924) успел перейти от консерваторов к независимым, а от них – к лейбористам, а в 1931 году создал Новую партию, превратившуюся затем в Британский союз фашистов. Тап был избран в парламент в 1892 году от округа Кингс-Линн, где победили консерваторы, в 1906 году представлял фритредеров, вернулся в парламент в 1910 году уже как либерал и воссоединился с консерваторами в 1911 году. Он любил находиться в центре внимания, и эту черту унаследовали его внуки – кто в большей, кто в меньшей степени. Штаб-квартиру первой своей избирательной кампании он организовал на яхте и обращался к согражданам на местном норфолкском диалекте. Он подал в суд на Банк Англии и выиграл процесс, обвинив банк в том, что он-де проводил налоговые вычеты, установленные законом 1910 года, до принятия закона. Впечатляющий человек. Можно вообразить его нашим современником – как бы он рассказывал о своей борьбе в выпуске “Ньюснайт”.

Почти агрессивное желание *что-то делать* можно увязать с особенностями воспитания Тапа (хотя он рос в отцовском доме, но образование получал во Франции). В итоге он фантастически многого достиг, основал не только “Леди”, но и “Ярмарку тщеславия” и весьма преуспевал. То же самое можно сказать о Берти, который кроме Бэтсфорда с дендрарием и оленьим парком обладал великолепным домом на Кенсингтон-Хай-стрит. Нэнси вспоминает, как в пору Первой мировой войны сидела на террасе у “дедушки Ридсдейла” и вносила свой патриотический вклад, “как *tricoteuse*”². Особняк ненадолго пережил своего владельца. В поздних романах Нэнси возникнет сюжет гибели лондонских семейных резиденций, она опишет, как

² Она использовала французское слово, обозначающее приверженок Робеспьера, которые устраивались со своим рукоделием поблизости от гильотины.

на месте некоего особняка на Парк-лейн вырастает гостиница “цвета старческих зубов”⁸. И в самом деле, дом Берти был встроен в отель “Майлстоун”, который в 1926 году начал свою рекламную кампанию с почтительного уведомления: гости пройдутся по паркету, помнящему Эдуарда VII. Конюшню и задний двор превратили в “восхитительный ресторан”, но отделанный дубовыми панелями бальный зал остался нетронутым, а также, как ни странно, и домашняя часовня. Словом, замечательное место; Берти и его супруга, вероятно, вкладывали в него огромные средства – правда, на рубеже веков Митфорды отнюдь не бедствовали.

Особняк Тапа Боулза на Лоундс-сквер был еще роскошнее, а распорядилась в нем Сидни: лишившись в семь лет матери, она так вросла в жизнь своего отца, что порой, несмотря даже на присутствие Телло, брала на себя роль хозяйки. Вместе с младшей сестрой Дороти (она же Малютка) Сидни помогала отцу устраивать пикники на яхте и сидела за парадным обедом. С четырнадцати лет она управляла огромным домом в Найтсбридже. Убедительное свидетельство ее распорядительности, вот только детство было обкрадено. Матери она толком не знала, а отец обращался с ней словно со взрослой. Этим отчасти объясняется ее загадочный, замкнутый характер, так или иначе повлиявший на всех дочерей Сидни.

Она использовала французское слово, обозначающее приверженков Робеспьера, которые устраивались со своим рукоделием поблизости от гильотины.

А сама Сидни находилась под сильным влиянием отца, перенимала его весьма своеобразные ухватки. Сделалась таким же педантом по части еды, как он, частенько писала в газеты о необходимости каждой семье выпекать домашний хлеб (одно из таких писем было опубликовано в ноябре 1939-го, вскоре после того как Юнити покушалась на самоубийство) и о преимуществах непастеризованного молока. (Дебора впоследствии бестрепетно сообщала, что опухоль на шее, которая осталась у нее на всю жизнь, появилась благодаря молоку от принадлежащих матери коров: в стаде гернсиек случилась эпидемия туберкулеза.) “Женщины должны приложить все силы к изучению здоровой пищи и соответствующих предписаний, начиная с Законов Моисеевых”, – писала в “Таймс” Сидни. А Тап и вовсе считал, будто евреи не болеют раком. Он не доверял врачам, и Сидни вслед за ним утверждала, что “правильное тело” самостоятельно исцелится от любой болезни. Джессике в двенадцать лет пришлось самой звонить врачу, когда у нее случился приступ аппендицита. Во всяком случае, так она пишет в “Достопочтенных и мятежниках” – мемуарах, которые Диана, Дебора и Нэнси относили скорее к вымыслу, чем к фактографии. Например, Джессика утверждала, что вырезанный у нее аппендикс она за один фунт продала Деборе. Дебора возражала: это невозможно хотя бы потому, что в ту пору она не располагала такими деньгами. Это лишь один из примеров бесконечно повторяющихся правды и лжи, многократно умножаемых в зачарованном кругу сестер Митфорд.

2

При всей странности такого устройства жизни вполне вероятно, что быть хозяйкой в доме требовательного, непростого в обращении, но чрезвычайно бодрого духом Томаса Гибсона Боулза вполне подходило Сидни. Она была любознательна (“хоть в Гиртон”³), а Тап окружал себя умными людьми. Она любила его усадьбу в Уилтшире, архитектура XVIII века восхищала ее; никогда больше ей не доведется жить в такой обстановке. Сидни, как и отец, ходила под парусами, а он порой проводил несколько месяцев подряд, целое идиллическое лето, на маленькой яхте в таких парадизах художников, как Трувиль и Довиль. “Моя мать обожала море и смотрела на него глазами Тиссо, а не Конрада”, – писала Нэнси⁹. В 1963 году в некрологе друг семьи Джеймс Лиз-Милн утверждал, что она “воспринимала жизнь с философской отре-

³ Т.е. могла бы учиться в женском колледже Кембриджа, если бы это не считалось совершенно неуместным для девушки из хорошей семьи.

шенностью морехода” – интересная мысль. Он также назвал ее необыкновенной женщиной, добавив, что было бы странно, если бы дочь Томаса Гибсона Боулза вышла иной.

Ее будущий муж Дэвид Митфорд (он был на пару лет старше и родился в 1878 году) тоже мог похвастаться незаурядным отцом. Правда, все качества отца явственнее проступали в первенце и наследнике, Клименте. Он был образцовый юноша – добрый, умный, всеми любимый. С Дэвидом случались проблемы. Климент учился в Итоне, Дэвид в Рэдди. Климент служил младшим лейтенантом в славном Десятом гусарском полку, а Дэвид, проваливший письменный экзамен в Сэндхерст, отправился разводить чай на плантациях Цейлона.

Но война – великий уравниватель. Оба брата сражались с бурами, Дэвид оказался в рядах Нортумберлендских стрелков и, как и списанный с него дядя Мэтью, был храбрым бойцом. Его назначили адъютантом, он получил (наконец-то догнав брата) чин лейтенанта и поверил, что перед ним открывается желанная военная карьера. В 1901 году он просил отца купить ему офицерский патент, но в марте 1902 года пришло сообщение, что он “опасно ранен”. Далее краткие сводки, публиковавшиеся в “Таймс”, то обнадеживали “благоприятным прогнозом”, то пугали: “пулевое ранение чрезвычайно тяжелое”. Он пролежал четыре дня в бычьем фургоне, рана в груди кишела червями, одно легкое схлопнулось – что не мешало пациенту курить сигарету за сигаретой. В итоге его комиссовали и отправили домой. Так в 24 года он лишился всякой надежды на военную службу.

Армейская жизнь ему бы подошла, при его небрежной галантности и неиссякаемой энергии. Он унаследовал напор Берти Митфорда, но без возможности дать выход своим силам. (“Беда с моим папой была попросту в том, – скажет впоследствии Нэнси, – что ему нечем было заняться”¹⁰.) Дэвид был не так образован, но во многих отношениях более чувствителен, чем Берти. Шумный, бравурный, неуверенный в себе. Срисованный с него дядя Мэтью передает этот парадокс, и ради комического эффекта бравурность усилена: дядюшка щелкает кнутом под окнами и охотится с гончими на детей. Нэнси рассказала о Дэвиде Митфорде правду, однако – и это было неизбежно – не всю правду. Опять-таки дядя Мэтью – образец супружеской верности, более того, он обожает витающую порой в облаках, но вполне проникательную тетю Сэди, их брак изображен как тихое и устойчивое счастье. Реальная жизнь несколько сложнее.

Дэвида Митфорда и Сидни Боулз познакомили их отцы: в 1894 году Тап поехал в Бэтсфорд навестить своего друга Берти и прихватил с собой Сидни. Неудивительно, что Дэвид – поразительный красавец – завоевал ее сердце (как неудивительно, что эта пара произвела семерых красавцев детей). Десять лет спустя они обвенчались в церкви Святой Маргариты в Вестминстере. К тому времени чаши весов выровнялись или даже сместились в пользу Сидни: Дэвид все еще был, конечно, красив, но слегка перекошен из-за отсутствия одного легкого, а Сидни расцвела. К выходу в свет она получила наконец подходящие девушке наряды (до той поры отец держал ее преимущественно в матросских костюмчиках), и, как писал Джеймс Лиз-Милн, превознося Сидни в некрологе, у нее был “божественной формы рот, с чуть опущенными краями губ, выражавший целый мир и юмора и трагедии”. А еще она обладала способностью контролировать и сдерживать, обрекая уязвимого мужчину постоянно стремиться ей угодить. Тот факт, что Дэвид сделал предложение после тяжелого ранения, утратив надежды на военную карьеру, мог бы привести на мысль, что он женился, когда не осталось других способов распорядиться своей жизнью. Однако он написал Сидни любовное письмо из больницы в Южной Африке и просил передать это послание ей в случае его смерти: чувства были искренними, а ранение, видимо, побудило к действию.

Сидни тем временем, по слухам, влюбилась в другого, но согласилась выйти за Дэвида, чтобы исцелить *свою* рану Причины, по которым люди вступают в брак, часто запутаны, даже если запрашивается простое объяснение: физическая привлекательность. Возможно, Дэвиду было бы лучше с более теплой женой, а Сидни – с более сильным мужчиной, похожим на ее отца. И все же этот союз оказался прочным и достаточно схожим со счастливой картинкой,

нарисованной в “В поисках любви”, пока тридцатые годы не подвергли его жестоким испытаниям. В 1937 году Дэвид выступил в палате пэров против поправки к Закону о браке – предлагалось запретить разводы в первые пять лет после свадьбы, и Дэвид хотел отменить это условие. Насильно удерживая людей вместе, им причиняют лишние страдания, заявил он¹¹. Для такого консерватора это был на редкость либеральный подход. Вряд ли при этом он хлопотал о себе – его отношения с Сидни в ту пору еще не пострадали, – но его мир начал распадаться, когда Диана рассталась с первым мужем, а Джессика бежала из дома. Все безусловные вещи, в том числе брак как пожизненное обязательство, подверглись пересмотру.

Но в 1904 году, когда пара вроде Дэвида и Сидни Митфорд могла жить в тылу Слоансквер с шестью слугами на тысячу фунтов в год, грядущие катаклизмы никто себе и вообразить не мог. Дэвид и Сидни казались самыми заурядными представителями своего сословия. Единственное, что могло привлечь внимание, – их замечательная красота. Они выросли в несколько необычных семьях, но это само по себе было как раз обычно. И если задним числом в родословной Митфордов обнаруживаются творческое начало и музыкальность, ум и шарм, эксцентричность, любовь к Германии и так далее, то все-таки подобный ретроспективный анализ близок к шарлатанству вроде хиромантии. Когда в ноябре 1904 года на свет появилась Нэнси, ничто, по совести говоря, не предвещало, что из нее вырастет нечто большее, чем жена и мать приличного семейства. Но перед тем как ей исполнилось три года, родилась вторая девочка, и с этого момента возникла основная формировавшая семью сила – соперничество между сестрами. Рождение Памелы, писала потом Нэнси, “повергло меня в ярость, не утихавшую лет двадцать”. Шутка, да не совсем. Однажды, вскоре после рождения сестры, Нэнси, прогуливаясь с родителями по лондонской улице, начала неистово кричать. Ее никак не удавалось остановить, пока она вдруг сама не сказала: “Надо мной даже эти дома смеются”. Мать, естественно, была смущена и огорчена и позднее уже взрослой дочери писала: “Ты часто впадала в ярость и могла опозорить нас посреди улицы”. Отец обожал Нэнси и был к ней более снисходителен. Но ведь занятно, чтобы ребенок сказал такое про смеющиеся дома?

Те, кто знаком с Митфордами лишь по созданному Нэнси мифу, наверное, будут удивлены, услышав, что до Первой мировой войны это было сугубо городское семейство. Ее Рэдлеты росли в свое имение, их жизнь определялось могучей красотой сменяющих друг друга сезонов, любовь к охоте вьелась им “в кровь и проникла до мозга костей”, и именно этим обусловлена их свобода. Но первые десять лет детства Нэнси – тогда уже родились и Пэм, и Том в 1909-м, а год спустя Диана – жизнь семьи была преимущественно связана с Лондоном. Разумеется, с лучшим районом Лондона, поблизости от магазинов “Харродс” и “Армз и Нейви”, но все же эта жизнь протекала среди городских улиц, пробок (тогда еще из карет и кэбов), в стесненности. Вся природа, какую дети в ту пору видели, сводилась к Кенсингтонскому парку, их дважды в день водила туда няня. Дэвид работал в “Леди” (немыслимо представить себе дядю Мэтью на такой службе или хотя бы поместить его на Ковент-гарден), пополняя таким образом 400 фунтов, которые выдавал ему ежегодно Берти, и содержание, выплачиваемое Сидни ее отцом.

Поначалу Митфорды жили в доме № 1 по Грэм-стрит, в “кукольном домике”, по описанию Дианы, но это преувеличение, хотя, конечно, при четырех малышах дом был забит колясками и прислужгой: кухарка, три горничные и две няни – Лора Дикс, она же обожаемая детьми Блор, и юная Ада Боуден. “Так чем же моя мать занималась день напролет? – вопрошала потом Нэнси. – Теперь, когда к ней подступаются с вопросами, она отвечает, что жила для нас. Если и так, никто не может утверждать, будто она жила с нами”. Перепись 1911 года застала Дэвида и Сидни по этому адресу на Грэм-стрит вместе с кухаркой; дети и няни обозначены как “пансионеры” в доме на Андерклифф в Борнмуте. То был апрель, а летом того же года семья обзавелась собственным домом для отдыха, коттеджем Олд-Милл в Хай-Уикоме. Сначала Тап арендовал его, а потом Сидни выкупила (благо разумно: в случае нехватки средств, а такой случай

у Митфордов наступал то и дело, этот дом мог послужить убежищем или дополнительным источником финансов, если его сдавать). В Уикоме семейство отправилось на поезде со всеми детьми и слугами, а также собаками, мышами, морскими свинками и ужами, а в тот год еще и с шотландским пони, которого Дэвид высмотрел накануне отъезда, возвращаясь из редакции “Леди” (первую ночь пони провел на лестничной площадке дома на Грэм-стрит). Лошадку не пустили в вагон для проводников, и тогда Дэвид выкупил целое купе третьего класса, чтобы разместить ее там. “Разумеется, в те времена путешествовать третьим классом было крайне необычно для ЛЮБОГО человека”, – совершенно серьезно заявила Пэм с экрана телевизора, когда участвовала в документальном фильме¹². Похожая история произошла с Деборой: в разгар Второй мировой войны она повезла из Шотландии в Англию козу в третьем классе и ночью привела ее доить в гостиную первого класса, “чего мне делать не следовало”¹³. Очень по-митфордиански: очаровательно, эксцентрично, как бы и неосознанно – если б они сами об этом не рассказывали.

Так и шла жизнь – от Эдвардианской эпохи (у Нэнси было мощное и, по ее мнению, ложное воспоминание о том, как ее родители в 1910 году рыдали, уткнувшись носами в окаймленные траурным кантом газеты с извещением о смерти короля) и далее в ту недолгую пору блаженного неведения, когда все вроде бы оставалось прежним, но на самом деле уже приготавливалась великая перемена августа 1914-го. Климент, наследник Ридсдейла, женился на своей кузине леди Хелен Огилви, на свет появилась малышка Розмари. Берти Митфорда судьба щедро одарила сыновьями (их было пятеро, насколько известно), но все вместе они сумели породить лишь троих внуков. Дэвид собирался искать золото в Канаде и в первый раз отправился в штат Онтарио вместе с Сидни в 1913 году. Они жили в хижине в маленьком поселке старателей в Свастике, и там была зачата Юнити. Характерно для Дэвида и затеять такой дерзкий мужской план, и занять участок всего в миле от того места, где более везучие наткнулись на богатейшую жилу¹⁴. Денег в итоге у Дэвида не прибавилось. Тем не менее, вернувшись в Англию, он перевез всю семью в большой дом в Кенсингтоне, на Виктория-роуд, где через четыре дня после начала войны родилась Юнити.

Война с Германией должна была показаться семидесятисемилетнему Берти Митфорду полной нелепостью. Его сын Джек не так давно праздновал в Берлине пышную свадьбу (другое дело, что его брак с фройляйн Фульд через год распался), его друг Хьюстон Стюарт Чемберлен снискал восхищение кайзера. Вероятно, Берти переживал далеко не столь сильный внутренний конфликт, как Юнити, которую четверть века спустя вражда между Британией и Германией буквально будет раздирать на части, и даже не столь сильный, как со временем Диана, Том и Сидни. Но досталось и ему, тем более что его сын Климент погиб в мае 1915 года под Ипром.

Нэнси, недолюбливавшая Германию, вспоминала: девчонкой она “изо всех сил молилась о начале войны”¹⁵. Мечтала она в свои девять лет о том, как будет прятаться на дереве, подобно Робину Гуду, и оттуда стрелять во врагов. В итоге война действительно благоприятно сказалась на ее судьбе, однако Нэнси горько оплакивала смерть Климента и чувствовала себя виноватой. Его в семье обожали все. Памела потом вспоминала, что именно тогда впервые увидела, как плачут взрослые. В феврале 1915-го он получил орден “За достойную службу” после тяжелого ранения – Десятый гусарский полк был атакован в самом начале войны. Едва оправившись, вернулся в строй, но вскоре погиб. Его жена Хелен была на третьем месяце беременности, и через полгода, когда у нее снова родилась дочь (Климентина, которая в 1937 году поедет вместе с Юнити и Гитлером на фестиваль в Байрейте), Дэвид стал законным наследником титула и состояния лорда Ридсдейла.

Возраст (36 лет) да и отсутствие легкого не позволяли ему участвовать в боевых действиях, но все же он пошел на военную службу. Он, вероятно, был даже рад войне (пока не потерял брата): наконец-то востребован. Как бы ни утешала семейная жизнь, Дэвид явно рвался

на волю – то на безбрежные просторы Онтарио, то в оксфордширское имение. Так и чувствуешь, что ежедневно на службу в “Леди” безрадостно брел прирученный тигр, только и мечтавший размять мышцы и прыгнуть. Неудивительно, что Дэвид убедил врачей отпустить его во Францию в группе офицерского резерва. Годным он даже близко не был, но в апреле 1915 года получил назначение офицером транспортной службы. Это считалось сравнительно легкой должностью, однако в скором времени состоялась вторая битва под Ипром. Тогда-то Дэвид и проявил в полной мере отвагу и расторопность. Он руководил снабжением, носясь через город галопом под нескончаемым обстрелом, порой и дважды за ночь, – да, этот человек был рожден для военной службы, увольнение из армии лишило его ясного пути в жизни. Его батальон ни на один час не оставался без боеприпасов и не потерял ни одного человека. Час высочайшего триумфа для Дэвида. Наверное, он был счастлив – но и страшно изнурен физически, а смерть Климента нанесла ему тяжелую душевную рану. Эти годы в разгар войны тяжело сказались на всех. Сидни тоже нелегко приходилось с пятью детьми в маленьком оксфордском доме, без жалованья от “Леди” доход заметно сократился. Впрочем, это не помешало супругам во время недолгого отпуска Дэвида зачать Джессику. Она родилась в сентябре 1917 года, к тому времени Дэвид был окончательно признан инвалидом и отправлен домой. Он вернулся уже как второй лорд Ридсдейл и прямо в мундире занял свое место в палате пэров.

Берти умер в августе 1916-го. Он успел опубликовать свои мемуары несколькими месяцами ранее, после смерти Климента, – заключительный акт неукротимой силы духа. Дэвид унаследовал примерно 17 000 фунтов наличными и 36 000 акров земли. Денег оказалось несколько меньше, чем могло бы быть, – Томас Боулз в 1921 году оставил вдвое большую сумму, – но Ридсдейлы жили в той свойственной *концу века* роскоши, что проистекала из безусловной веры в неисчерпаемость финансовых источников. Вдова Берти, Климентина, дочь графа, переехала в Нортумберленд и там прожила до 1932 года. На ее счету, когда она умерла, обнаружилось всего 1667 фунтов 13 шиллингов и 8 пенсов. Скорее всего, ей ни разу в голову не пришло заняться сведением баланса. И в браке она тратила деньги без ограничений, хотя больше всего пошло на перестройку Бэтсфорда. Дэвид сразу понял, что этот дом ему придется продать, попросту не хватало средств на содержание такой усадьбы. И все же состояние Митфордов оказалось весьма существенным, и пусть они получили не так много наличными, настоящее сокровище заключалось в земле, мебели и картинах. Иными словами, значительную часть этого богатства можно было обратить в деньги, что как нельзя лучше подходило человеку с характером Дэвида. Он принялся распродавать свое наследство уже в мае 1917-го, первым делом выставив на продажу Бэтсфорд (“Тюдоровский особняк, воспроизведенный в буртонском камне... 350 акров парка... часть деревень возле Мортон-ин-Марш, 800 акров леса”). Начав с Бэтсфорда, он уже не останавливался, распродавая все, чтобы избежать нужды, как выдуманный Нэнси лорд Фортинбрас. Ему досталось столько добра, что он смог сохранить множество замечательных вещей – например, собранную отцом коллекцию китайских и японских вееров. Но перечень отправившегося на аукцион в первые же два года – картина Рейнольдса за 14800, принадлежавшая Берти коллекция фарфора за 4600, тысячи акров в Оттербурне, графство Нортумберленд (“возможно залегание угля”), имение Бэтсфорд – производит устрашающее впечатление беспомощности в финансовых вопросах.

Однако в 1919 году Дэвид еще владел основной частью наследия, деревней Свинбрук, форельей заводью в Уиндраше, множеством акров в пологой долине. “Все это твое”, – сказала добрая и склонная к драматическим жестам Бланш Хозьер двенадцатилетней Нэнси, стоя с ней на вершине холма в Бэтсфорде, откуда открывался вид на большую часть Котсуолдса. “Вздор и чепуха! – отрезала Сидни, когда дочь прибежала к ней с этим замечательным известием. – У тебя нет *ничего*”.

3

С этого и начались “Митфорды”. Часть выручки от стремительной распродажи Дэвид использовал для приобретения тысячи акров, примыкавших к Свинбруку вместе с усадьбой Астхолл, где им предстояло прожить следующие семь лет. Все дети, за исключением Джессики и Деборы, которая тогда еще даже не родилась, сохранили воспоминания о Бэтсфорде. Они переселились в поместье в начале 1916 года, покончив с Лондоном. С 1917 года они жили в главном доме, стеснившись в нескольких комнатах, словно арендаторы, вдруг сделавшиеся владельцами. В особенности Нэнси – ей было без малого пятнадцать, когда Астхолл продали, – запала в память золотая сияющая слава, скрытая под чехлами от пыли, огромный бальный зал с немыслимой высоты сводчатым потолком, пять лестничных пролетов, длинные подоконники в комнатах с потускневшими стенными панелями. Аристократический образ жизни, какого у Нэнси никогда уже не будет (тут больше повезло Деборе), но она всегда могла возродить его как нечто несказанно прекрасное, о чем умела писать с насмешливым реализмом. К примеру, Хемптон, усадьба, где разворачиваются вступительные сцены “Любви в холодном климате”, изображается схожим с Бэтсфордом – как пышный готический замок, построенный на месте неприязнательного и милого здания в стиле английской неоклассики. (“Это красиво, я полагаю, – отзывались о нем соседи, – но мне как-то не по вкусу.”)

Диана, которой на момент продажи исполнилось девять, запомнила Бэтсфорд как дом, где каждый мог всегда найти большую пустую комнату и почитать в одиночестве. Эту жгучую страсть к чтению разделяли Нэнси (позднее книги сделаются главным утешением для обеих сестер) и Том. В 1919 году, распродавая обстановку Бэтсфорда, Дэвид Митфорд поручил десятилетнему сыну отобрать книги, которые следует оставить себе, – Тома он считал книжным червем.

Эти трое обладали живым умом, и тот факт, что они сохранили его и в зрелые годы, служит доводом в пользу простейшей системы образования: научите детей читать, впустите их в обширную библиотеку вроде той, какую собрал Берти, а дальше пусть сами. Разумеется, этот метод (вообще-то полная противоположность “системе”) оставил серьезные пробелы в знаниях, но самое важное было сделано – дети *захотели* учиться. Их также возили несколько раз в год в соседний Стратфорд-на-Эйвоне, Шекспир был для них знакомым именем. В доме жили две гувернантки, французская и английская, но основную работу дети проделали сами. Эти уединенные годы в Бэтсфорде сформировали старших детей, в меньшей степени они пошли во благо Памеле, страдавшей и от болезни, и от семейного расклада. В 1911 году Пэм переболела полиомиелитом и после него прихрамывала, одна нога осталась короче другой. Нэнси изводила ее беспощадно, а Пэм не умела себя защитить. Много позже, во время Всеобщей забастовки, сестры вместе работали в кафе, поили чаем сотрудников аварийных служб, и Нэнси, переодевшись бродяжкой, донимала сестру. Любой другой сразу разгадал бы этот маскарад, но Памела испугалась не на шутку. Как Памела на самом деле относилась к Нэнси, нам неизвестно, потому что в некотором смысле Пэм выросла наиболее непроницаемой из всех сестер – не по-митфордиански пассивной, – однако она обладала собственным вариантом общесемейной уверенности в себе (более невозмутимым и тихим), а ее манера выражаться была на редкость естественной. Так, Гитлер, по ее отзыву, “в своем старом коричневом костюме похож на фермера”. Суть митфордианского наречия заключается в том, чтобы прямо высказывать свое мнение, не отклоняясь ни на йоту, и в этом с Памелой никто не сравнится. Купив дорогую молочную корову гернсийской породы, она с досадой сообщила: “Тварь бессумчатая”. Подобные комически-откровенные выражения не давались даже Нэнси, хотя она охотно заимствовала их для своих книг.

Та роль, которую характер и обстоятельства отвели Пэм с ранних лет, явно была важна в общей структуре семьи. “Такой, как она, никогда не будет, даже отдаленно похожей на нее, правда?” – писала Дебора после ее смерти. Сколько бы Нэнси ни издевалась над ней, придумывая прозвища вроде Крошковад (Пэм росла довольно полной, и всю жизнь у нее с едой были непростые отношения), Пэм вовсе не превращалась в забитую жертву – она была наделена природным внутренним достоинством. После смерти вспоминали главным образом ее поразительную доброту, но в чем-то она могла проявить столь же поразительную черствость (так, она не любила детей) и глухоту – например, пускала любимых такс (*the Elies*⁴) скакать без удержу по диванам Чэтсуорта. “Со своими штучками”, – жаловалась Дебора Диане (типичное выражение). Памела служила тихим и неподвижным центром в секстете девочек Митфорд, неприступная и неуязвимая, наособицу и этим как раз уравнивающая. Ее безумные и безмятежные высказывания более изменчивые сестры перебрасывали друг другу с упоенным восторгом и неизменной припиской: “Она дииивная”. Джон Бетжемен, дважды делавший ей в 1932 году предложение, находил чисто английское очарование в скромном облике сельской жительницы. По сравнению с сестрами она может показаться пустым местом, но на самом деле ее присутствие было столь же явным, как одной из охотничьих лошадей ее деда, – и столь же невозмутимо она сносила укусы Нэнси, точно какой-нибудь мелкой мошки.

Итак, в Бэтсфорде семейная мозаика Митфордов в целом сложилась. Нэнси – черная королева, ослепительная, склонная повелевать. Пэм уклонялась от борьбы. Диана и Том, почти сверстники, сдержанные, прохладные, единодушные, – они оставались близкими друзьями и после того, как Том в 1918 году отправился в школу. Затем, уже в Астхолле, с рождением Деборы, младшие дети сформировали собственные группировки. Они выдумывали особые словечки, не довольствуясь оборотами вроде “неча спорить!”, создавали практически непостижимые для окружающих версии английского языка, превращаясь в миниплемя внутри семьи. Юнити и Джессика именовали друг друга Буд и общались на “будледидже”, который понимала только Дебора, но не отваживалась принять участие в разговоре. Это продолжалось и во взрослой жизни. “Шбусп со тфа пеззму”, – писала Юнити Джессике в 1937 году, и это означало “спасибо за твое письмо”, а далее она делала “моему доброму Буду” выволочку за побег из дома и сообщала, что Гитлер запретил немецким газетам публиковать скандальный отчет об этом событии, “очень мило с его стороны, правда же?”. Близость между Юнити и Джессикой, укрепившуюся в ранней юности, не поколебало политическое противостояние: сестры обсуждали порой, не придется ли одной из них расстреливать другую, но оставались, как это ни странно, союзницами.

Такая же прочная связь существовала между Джессикой и Деборой в более раннем детстве. Они прозвали друг друга *Hons*, что означало не столько “достопочтенные” (*Honourable*), сколько “цыпы” (*hens*), поскольку их мать держала большой птичник. Эти двое говорили на “цыпьем” языке, и в зрелые годы их письма пестрели выражениями вроде “не забывай писать своей старой Цыпе”. Тем не менее, с точки зрения Деборы, побег сестры привел к более глубокому разрыву, чем готова была признать сама Джессика, а Джессика впоследствии допускала, что Дебора вызывала у нее ревность¹⁶. Несмотря на вынужденное постоянное общение двух самых младших сестер и непрестанную игру в Цып, отношения в этой паре были, вероятно, более односторонними, чем между Джессикой и Юнити, двумя будущими париями (хотя в детстве неспособность вписаться в социум явно проступала только у Юнити). Дебора же обладала на диво покладистым характером, и это вполне могло раздражать Джессику.

В 1936 году мать отправилась с тремя младшими в средиземноморский круиз. Возможно, Сидни предчувствовала неладное и пыталась, пока не поздно, отвлечь Юнити и Джессику от их крайностей. Однако Юнити твердо держалась уже усвоенной манеры: вступала на борту в

⁴ “Они” (*фр.*) с определенным английским артиклем.

споры с лекторшей левых взглядов (а лекции на корабле читала не кто иная, как герцогиня Атолл), в Испании нацепила значок со свастикой, и ее чуть не прибили. В “Достопочтенных и мятежниках” Джессика утверждает, что затем и сама наподдала сестре, попытавшись разъяснить ей смысл испанской Гражданской войны. В воспоминаниях Деборы это никак не отразилось, они сохраняют принципиально “нормальный” тон: на корабле она и Джессика продолжают забавляться в той очаровательно-проказливой манере, которая присуща младшим сестрам в романах Нэнси, обзывают безобидного ученого “профессором-потаскуном” (что также будет использовано в “Любви в холодном климате”) и зачарованно тарашатся на евнухов во дворце Топкапи (“Дети, – сказала им Сидни, – даже и не вздумайте заговаривать о евнухах за ужином”). Рассказ Деборы изображает юных девушек, дурашливых и счастливых, однако Джессика потом писала, что в этом путешествии уже замышляла побег, который и осуществила спустя год.

Воспоминания сестер представляют разные версии детства Митфордов, как и роман “В поисках любви”, и если бы не этот роман, то, возможно, другие мемуары не были бы написаны вовсе. Нэнси создала “бренд Митфордов”, и следом за дело взялись Джессика, Диана и Дебора (подумывала написать книгу и Памела, но так и не собралась)¹⁷. Диана предпочитала ясную, обнаженную прозу, отвергая фантазии. Дебора, которую Диана относилась “к числу правдивых”¹⁸, с наслаждением описывала эксцентричность своего семейства, но не впадала в сенсационный тон. Зато автобиография Джессики “Достопочтенные и мятежники” вышла столь пристрастной, что заметно уклоняется в область вымысла. “Бесстыжая, но в высшей степени занимательная” – так охарактеризовал эту книгу один из обозревателей. А еще эта автобиография чересчур точно подражала “В поисках любви”. “Вот как я это понимаю, – писала Нэнси Ивлину Во, – во многих аспектах она стала воспринимать нашу семью, сама того не сознавая, глазами моих книг”. Однако между версиями Нэнси и Джессики существовало также принципиальное отличие (помимо того, что роман заведомо не автобиография): Нэнси пишет радостно, а ее сестра – с горечью. “Достопочтенные и мятежники” полны многословных жалоб – на родителей, отказавшихся послать Джессику в школу, на узколобий консерватизм, в котором она была воспитана, и предрассудки правого толка, сковавшие ее детство и юность. Для Дэвида Ридсдейла, писала его дочь, весь мир состоял из чужаков, за исключением лишь некоторых членов семьи и “очень немногочисленных соседей по имению, краснолицых, одетых в твид, к которым он по неведомой причине проникся симпатией”. Вполне предсказуемая картина: та же Нэнси, но без ее озорного гения. Однако в воспоминаниях Джессики появились и более гротескные, глубоко задевшие сестер выпады. Например, безо всяких на то оснований она заявила, что дядя Бертрам (в семье его звали Томми), служа мировым судьей, получал удовольствие от присутствия на смертной казни через повешение. Все это излагалось с большой легкостью, но у читателя не оставалось сомнений в том, кому тут следует сочувствовать.

“Достопочтенные и мятежники” задуманы очень умно, Джессика ухитрилась совместить несовместимое: разоблачить эксцентричных реакционеров и благодаря им продать большой тираж. Сестры сочли эту книгу нечестной. “Глупая старая Цыпа”, – в характерном для нее тоне отзывалась Дебора, а Диану разбор этой книги в литературном приложении к “Таймс” возмутил так, что она разразилась опровержением. Более всего ее разъярил намек, будто сестрам Митфорд недоставало культуры и образования (как насчет бэтсфордской библиотеки?) и что родители активно сопротивлялись просвещению: “Презрение к интеллектуальным ценностям было вопросом индивидуального выбора для каждого ребенка, а не семейной необходимостью”. “Обсервер”, доверчиво заглотив рассказы Джессики, точно церковные облатки, возглавил крестовый поход против Ридсдейлов. Дебора писала Нэнси, что их мать имела полное право подать в суд за намеки, будто она не занималась воспитанием детей. После смерти Сидни (через три года после выхода этой книги) автор некролога Джеймс Лиз-Милн воспользовался случаем, чтобы опровергнуть то карикатурное ее изображение. Нет ничего “столь далекого от

истины, – писал он, – как популярное представление о покойной, навязанное «Достопочтенными и мятежниками», словно о женщине, далекой от культуры, с ограниченными светскими понятиями». По словам Лиз-Милна, а уж в его образованности никто не сомневался, Сидни поощряла в детях интерес к искусству и “вполне вероятно, пробудила в них ту интеллектуальную независимость, которой они прославились”.

Это почти наверняка правда. У Джессики на редкость традиционные взгляды для столь прогрессивного человека. Возможно, школа действительно привнесла бы в ее жизнь что-то, чего ей недоставало, но лишь человек, чье детство прошло *не* в школе, способен так идеализировать общее образование. Кстати говоря, Джессика и Дебора провели семестр в дневном заведении в Хай-Уикоме, когда им было соответственно около 11 и 9 лет. Джессике этого показалось мало, зато Деборе – более чем достаточно. “Я не понимала, чего учителя от меня хотят и почему”. За обедом она вежливо поблагодарила: “Спасибо, не надо”. В четырнадцать лет ее попробовали отдать на пятидневную неделю в Оксфорд, “без собаки, пони и няни”¹⁹. Там она продержалась три дня и упала в обморок на уроке геометрии. Семестр она закончила приходящей ученицей, и на том ей разрешили бросить школу, за что будущая герцогиня вечно была благодарна матери (назойливые тетюшки уговаривали Сидни проявить строгость). Больше всего школы выпало на долю Юнити, чья “интеллектуальная независимость” чересчур уж привольно развивалась в домашних условиях.

В 1929 году она отправилась в пансион Буши при колледже Святой Маргариты, два года спустя посещала в качестве приходящей ученицы лондонский Квинз-колледж, и из обоих учебных заведений ее исключили (“нет, нет, *попросили уйти*”, безнадежно уточняла Сидни). Она и не пыталась адаптироваться. Одноклассница запомнила, как Юнити “нарочно не хотела ничего понимать”. Правда, ее и саму вроде бы огорчали такие неудачи²⁰. Если формальное образование ставило целью “социализировать” Юнити, успешной эту попытку никак не приходится считать. Напрашивается вывод: со школой или без итог был бы тот же.

Но для Джессики разница, очевидно, состояла в том, что подруга всех ее игр, Юнити, уезжала в школу, а она оставалась дома, – тогда, в 1929 году, впервые обнаружилось недовольство Джессики устройством семейной жизни. Нэнси, посещавшая в пять лет “Фрэнсис Холланд”, тоже рвалась на свободу, хотя в ее случае это было скорее демонстративным, чем искренним желанием. В шестнадцать лет Нэнси отправили в “Хейтроп Касл”, чтобы завершить ее образование. “Школа для нее была раем”, – писала Диана (сама она приходила в ужас при одной мысли о пансионе и благополучно его избежала). Естественно, ведь для Нэнси школа стала чем-то новым, необычным, а главное – там она избавилась от сестер. “Каждую ночь она молилась о том, чтобы каким-нибудь таинственным способом, каким именно – предпочитала не вникать, снова стать единственным ребенком”²¹. Да, с одной стороны, Нэнси мечтала остаться единственной, особенной, и чтобы на этот статус никто не покушался, избавиться от надоедливой свиты шумных сестреночек, с другой – ей бы это не понравилось: исполненное желание оказывается не столь приятным, как виделось, и в одиночестве ее скука не приносила бы столько плодов.

4

В этом, разумеется, суть “девочек Митфорд”: в их коллективной жизни, против которой каждая на свой лад восставала – и которая сделала каждую из них столь уникальной. Образ сквайров в Астхолле, при известных преувеличениях, все же верен истине: жизнерадостные, своевольные и глубоко пустившие корни в сельскую почву Англии.

Сделавшись лордом Ридсдейлом, Дэвид возмечтал построить собственный дом на горе, на внешней границе Свинбрука. Астхолл для него был промежуточной остановкой. Но едва он

перебрался в Астхолл, как его яростная энергия нашла выход в строительстве и переделках, он обустроивал конюшни, псарни, спальни и “галерею” – весьма полезное дополнение к дому, неортодоксальное, но вписавшееся в общий план. Галерея вела в библиотеку (она же музыкальный кабинет), в которую Дэвид превратил большой сарай. Этот сарай, отдельный небольшой дом в саду, позволил детям и в Астхолле находить уединение, каким они тешились в Бэтсфорде. Том, унаследовавший от деда любовь к музыке, мог тут без помех играть на пианино, а Диана и Нэнси читали, прислушиваясь к его мелодиям. Бах и Вальтер Скотт, Гендель и Бальзак, вершины человеческого творчества жадно поглощались молодежью в этом сарае посреди Оксфордшира, а вокруг кипела сельская жизнь – охота, стрельба, капканы; митфордианская жизнь – собаки, мыши, крысы, морские свинки, пони, здоровенькие светловолосые дети в джохпурах, болтавшие на буддледидже и цыпьем наречии. Сидни с птичником, Дэвид с коллекцией кнутов. Это была прекрасная жизнь, пока она длилась.

Сам Астхолл, красивый и неформальный, обладал драгоценным качеством домашности. У Сидни имелся талант интерьерного дизайнера (он перешел от нее к Нэнси), и Диана впоследствии вспоминала, с каким природным изяществом мать обставляла дом. Китайские ширмы Бертигодились, чтобы защититься от сквозняков в длинном, отделанном панелями холле с каминами в обоих концах и окнами по обеим длинным стенам. Японские ширмы, разрисованные хищными птицами, отправились в столовую. За окнами гостиной виднелась церковь – так близко, что составляла единый ансамбль с домом, дети ходили туда к вечерне и однажды выслушали проповедь о дурном поведении тех, “кто с криком гоняет собак по святой Божьей земле”. Упрек адресовался непосредственно Дэвиду, частенько срезавшему с гончими путь через кладбище. С четырнадцати лет Диана играла в церкви на старинном органе, а деревенский мальчишка раздувал меха. “Я пользовалась обеими педалями – для шума и для пущего пафоса”. Сестры Митфорд ездили верхом, охотились, играли в теннис, учились танцевать – “все у нас выходило скверно”, писала Диана²², но этот растущий, расползающийся дом составлял основу их бытия: промозглая классная комната у подножия величественной дубовой лестницы, легендарный полтергейст, стягивавший простыни с постели кухарки, волшебный сарай.

“В поисках любви” не содержит ничего похожего на сарай в Астхолле, вместо него юные Рэдлеты используют в качестве убежища кладовку В подобного рода большой кладовке для белья в Свинбруке проводили заседания “общества Цып” Джессика и Дебора (альтернативой служила старая печь коттеджа в Хай-Уикоме), где они и присоединявшаяся к ним Юнити говорили на своих тайных языках. Нэнси к моменту переезда в Свинбрук исполнился двадцать один год, уже не по возрасту прятаться в кладовке, но она перенесла игру своих младших сестренок в роман и превратила в тотем, в метафорическое средоточие митфордианской мифологии. В сюжете “В поисках любви” это место используется вполне прагматично: там подростки отогреваются в рождественские морозы, обмениваются новостями и обсуждают запретные темы деторождения и аборт (“Прыжки с высоты и горячие ванны, это уж непременно”). Линда, главная героиня романа, уже взрослая, в ожидании родов прячется там же, с собакой у ног, и перечитывает сказки.

Рэдлеты тоже обходятся без образования, за исключением их кухни и рассказчицы этой истории Фэнни – она посещает “ужасное заведение для среднего класса”, по отзыву ее дяди Мэтью, где учат “наливать молоко прежде чая”. Упоминается, но мимоходом, обширный выбор книг у Рэдлетов, их домашняя библиотека, “надежное собрание XIX века, принадлежавшее деду, чрезвычайно начитанному джентльмену”, и Нэнси уточняет: подобного рода “судорожное чтение”, детство самоучек, ни в коей мере не может заменить регулярной школы. Рэдлеты (Митфорды) нахватились изрядно знаний и “позолотили его собственной оригинальностью”, но не умеют сосредотачиваться и не выносят скуку. Вся книга пронизана пониманием: эти молодые люди недостаточно подготовлены к жизни – во всяком случае, к современности. Эта

мысль тревожит Линду, обладающую интуитивным умом, но слишком малой толикой здравого смысла.

Здесь Нэнси без лишней жесткости, исподволь, критикует собственное роскошное и вместе с тем дикарское воспитание, попустительское отношение к учебе, систему гувернанток и снобистское презрение к школе (“Мой отец опасался, что от игры в хоккей на траве икры сделаются толстыми, – вспоминала она. – Он был решительно настроен против толстых икр”²³). Вообще-то для девочек высшего класса в ту эпоху домашнее обучение не представляло собой редкости. Леди Диана Купер как-то проговорила насчет родительских страхов, как бы дочь, пойдя в школу, не начала носить челку (а Диана Мосли прокомментировала: скажи нечто подобное Нэнси, это попало бы в передовицы газет).

Среди гувернанток попадались неудачные, как та, которая вздумала учить Юнити, Джессики и Дебору мелким кражам из магазинов (“прячь-в-карманчик”), и другая, малорослая, которую Юнити подхватывала и усаживала на шкаф. Но в Бэтсфорде девочкам повезло: Ванда Сереза (Зелла), учившая их французскому и вышедшая потом замуж за англичанина, стала близкой подругой Нэнси и навещала Диану в Холлоуэе. Мисс Мирамс, тоже занимавшаяся с юными Митфордами в Бэтсфорде, казалась Диане “довольно суровой”, но сумела подготовить Тома к экзаменам в “Локерс-парк” – он поступил в эту школу даже не без блеска. Мисс Хасси работала по одобренной Сидни программе PNEU²⁴; она появилась в Астхолле в начале 1920-х, а потом еще десять лет преподавала в Свинбруке, охватив всех девочек, за исключением Нэнси. Она оказалась чрезвычайно компетентной, хотя приспособить занятия к столь разным возрастам и способностям было непросто (Пэм, по ее позднейшим отзывам, “несколько отставала”²⁵). И в обморок при виде принадлежавшей Юнити змейки по кличке Энид, обернувшейся вокруг цепочки сливного бачка, она, вопреки тому, что утверждается в “Достопочтенных и мятежниках”, не падала (змея принадлежала Диане, это был “безобидный ужик”, и никто из-за него сознания не терял. Джессика в очередной раз вольно распорядилась фактами). Роман уже задал эту тему и пустил собак по следу: гувернантки Рэдлетов покидали дом, едва приехав, насмерть напуганные дядюшкой Мэтью и его кнутом. Джессика – талантливая на свой лад, но как журналистка, а не как писательница – подхватывала подобные фантазии и уносила на их крыльях, а потом назвала вымысел автобиографией.

Разумеется, и Нэнси под прозрачным покровом художественного сюжета поставляла читателям то, что они принимали за подлинный рассказ о ее детстве. В основе своей он и был подлинным, и не всегда так уж просто найти точки, в которых сюжет отклоняется от правды. Взять хотя бы разговор об образовании – да, Нэнси ведет его всерьез. Отчасти. Она завидует той глубине знаний, какой обладают ее умные знакомцы мужчины, в том числе ее брат Том (“не забывайте, я необразованная женщина”, сокрушалась она в письме Ивлину Во). Но в то же время роман рассказывает и другую историю, скрывающуюся под этой поверхностью. Получившая школьное образование Фэнни – прекрасный человек, но не обладает и каплей пьянящего очарования Рэдлетов-Митфордов, которым Нэнси гордилась, не особенно это скрывая (и на котором неплохо зарабатывала). Более того, когда дядя Мэтью попросил Фэнни рассказать о Георге III, все, что она смогла выдать из себя: “Он был королем. И он сошел с ума”, а Линда (“слава богу, ты-то у нас необразованная”) вываливает множество бессвязных, но гораздо более интересных фактов. Что же касается опасений, что дети никогда не смогут сосредоточиться на какой-то задаче... Нэнси случилось написать книгу за три месяца, Джессика стала проводить серьезные журналистские расследования, статьи Дианы отличались высочайшей точностью, а Дебора безупречно вела хозяйство в Чэтсуорте. Эти четверо достигли в жизни больше среднего, а если они следовали лишь за тем, что их интересовало, питало их воображение, то не так ли поступает большинство людей? Так что могла к этому добавить школа-пансион? Сестры постоянно влияли друг на друга, и если это влияние не всегда было благоприятным, то

больше всего от него пострадала как раз Юнити – единственная, регулярно учившаяся в школе. В романе тетя Сэди, обеспокоенная своенравием подрастающих детей, спрашивает, стоит ли отдать их в школу: “Вы можете поручиться, что благодаря этому хоть что-то изменится к тому времени, как они вырастут?” И слышит в ответ: “Для ваших отпрысков, дьяволят эдаких, никакой разницы не будет”.

5

Нэнси вовсе не стремилась уподобиться Фэнни, хотя и описывала с удовольствием и эту вымышленную героиню, и опекавшую ее разумную и добрую тетю Эмили, которая столь решительно отправила ее в школу. Отношения между Фэнни и Эмили, идеально переданные, да и сами близкие к идеалу, – вот о чем мечтала бы Нэнси. Отчасти эта сюжетная линия была завуалированной критикой собственных отношений с матерью.

Как и Джессика, Нэнси тоже оглядывалась на детские годы с обидой, и обида лишь усиливалась со временем. На исходе жизни она и вовсе грозила взяться за откровенную автобиографию. Но если Джессика обрушивалась на весь клан Митфордов и консервативную среду, то мишенью Нэнси почти исключительно служила Сидни. Эта загадочная женщина каждой из дочерей виделась по-разному, она сделалась символом их несопадающих воспоминаний о едином прошлом, и хотя она была наименее известным членом семьи Митфорд, но для всех остальных оказалась точкой сборки.

Когда Нэнси уже недолго оставалось жить, да и Джессика давно вступила в зрелый возраст, сестры сформировали эпистолярный союз против матери. Человеку свойственно оглядываться на прошлое в поисках ключа, который мог бы отпереть тайну его личности, однако этот обмен письмами больше напоминает те союзы, которые юные Митфорды заключали против очередного врага, “антицыпы”. И в данном случае архиантицыпой оказалась Сидни.

В 1971 году, через восемь лет после смерти матери, Нэнси призналась Джессике, что никогда не любила Сидни по той простой причине, что Сидни не любила ее, никогда не обнимала в детстве, была холодна и “саркастична” и в целом не проявляла никаких чувств к своему первенцу. “Я не упрекаю ее за это, родители имеют полное право не любить своих детей...” Джессика отвечала, что, подрастая, ненавидела мать, особенно в отрочестве, но позднее была “чрезвычайно к ней привязана”. И все же “что *абсолютно выжгло мне душу*, – писала Джессика, – так это невозможность учиться в школе”. Далее она повествовала о том, как примерно в одиннадцать лет, возмечтав о научной карьере, поехала на велосипеде в Бурфорд, поблизости от Свинбука, и директор тамошней гимназии предложил ей сдать один-единственный экзамен для поступления. Джессика в восторге помчалась домой за официальным родительским согласием – и Сидни с порога отвергла ее план, даже не снизойдя до объяснений. Если эта история правдива, она действительно выставляет Сидни в неблагоприятном свете, но с большой вероятностью тут многое преувеличено, если не вовсе выдуманно. Возможно ли, чтобы Джессика взяла штурмом кабинет директора? Дебора отказывалась в такое верить, к тому же, по ее воспоминаниям, Джессика в одиннадцать лет как раз училась в школе (они обе ходили в школу в Хай-Уикоме). Но суть этой повести не в фактах, а в настоявшейся обиде Джессики.

Столь же искренними были и страдания Нэнси, когда она отправляла свой блистательный ум блуждать в прошлом. Она прекрасно понимала, что воспитывалась в той среде и том сословии, где нежная близость между матерью и ребенком не поощряется. Она бы и сама, скорее всего, посмеялась над нынешним ориентированным на детей миром (впрочем, “В поисках любви” рисует именно такой мир), но ее проблемы с матерью были несколько иного рода. Нэнси интуитивно предполагала недостаток эмоциональной близости и, сама гордая и сдержанная – в точности такой образ Сидни сложился у нее, – реагировала так, что ее интуиция с неизбежностью должна была воплотиться в реальность. Например, в 1962 году она опублико-

вала эссе “Блор”, панегирик няне Митфордов Лоре Дикс и косвенную критику матери. Нэнси расписывает, как до появления в 1910 году Блор детьми занималась “Недобрая Няня”. Эту женщину уволили после того, как “с верхнего этажа на протяжении месяцев доносились несо-мненные звуки пыток”. Неужто *это* правда? Легкий, ироничный стиль Нэнси оставляет нам достаточно свободы для скептических вопросов, и все же “несколько месяцев”, этот очевид-ный намек на затянувшееся материнское безразличие, – умышленный выпад, как и сцена, в которой Недобрую Няню увольняет Дэвид Митфорд: “Моя мать слегла, как всегда поступала при обострении ситуации, предоставив отцу вершить расправу”. И дальше появляется Блор. Ей было уже тридцать девять, ее могли счесть недостаточно проворной, чтобы усмотреть за четырьмя детьми, но она обеспечила себе эту работу в тот самый миг, когда при виде Дианы воскликнула с искренним восторгом: “О! Какая прелестная крошка!” (Диана, сообщает Нэнси в другом месте, “родилась красивой и всегда была красивой”²⁶.)

Восхваление Блор оборачивается нападками на Сидни, и та написала дочери, что вышел “очаровательный рассказ о нашей дорогой Блор, хотя почему-то она осталась несколько при-зрачной фигурой”. (“Ладно, пиши сама”, – вертелось, должно быть, у Нэнси на языке.) Глав-ное было передать душевную теплоту Блор, то, чего, по мнению Нэнси (да и Джессики), недо-ставало их матери. Блор также обладала невозмутимостью, типичной для английской няни, со всеми ее “да кто на тебя смотреть станет, лапонька” (Диане, в утро ее свадьбы) и “засту-дишься” (Нэнси, нарядившейся на первый в жизни бал). Это качество Нэнси раздувает до комического в романе 1951 года “Благословение”: английская нянюшка, попав в великоле-пный особняк в Провансе, отказывается от не менее великолепного французского обеда и про-сит повара сварить ей “рассыпчатую картошечку”. Реальная Блор бывала порой забавна на такой лад, но обладала и скрытыми глубинами мудрости. Хотелось бы знать, что она думала по поводу кое-каких дел в доме, где служила. “Лучше бы тебе не ездить больше в Германию, лапонька, – посоветовала она как-то раз Юнити. – Уж эти тамошние мужчины”. И ведь была, как отмечает Нэнси, вполне права. Блор умерла (в девяносто без малого лет) до публикации этого эссе, но несколькими годами ранее Нэнси послала ей “Благословение”, предупредив, что няня в этом романе “ничуть не похожа на Вас, дорогая моя”. Не совсем правда, и Блор, веро-ятно, об этом догадывалась, но Нэнси спешила извиниться.

Она пыталась выкрутиться и из конфликта с матерью, но тут все сложилось иначе. Прежде всего, она не соизволила предупредить Сидни заранее. Когда же послала ей копию эссе и Сидни приняла этот текст в штыки, Нэнси отреагировала характерной смесью вины и возмущения, она полуизвинялась, но нехотя и угрюмо, как подросток, а не как женщина пяти-десяти семи лет. Недели через две она писала матери снова, явно переживая из-за этой ссоры и пытаясь перескочить через нее: сообщала как ни в чем не бывало какие-то случайные сплетни. В особенности ее задело, что Сидни придиралась к “Блор” куда больше, чем к “Достопочтен-ным и мятежникам”, хотя, казалось бы, вот уж бунтарская книга. Возникает ощущение, что хотя обиженной в этой ситуации была Сидни, потери Нэнси намного существеннее, и она к тому же ничего не могла исправить, ведь ситуация была создана ее собственными руками. Так всегда складывалось в отношениях между этими двумя женщинами. Доходило до своего рода эмоционального пата, и тем мучительнее для Нэнси, что мать особо и не переживала, просила только, чтобы ее оставили в покое (“Я хочу одного: чтобы ты не включала меня в свои книги”), и вовсе не добивалась внимания. Все остальные девочки Митфорд, за исключением Джессики, заняли сторону Сидни.

“ТАК стыдно расстраивать ее, и думать не могу”, – писала Диана Деборе по поводу эссе “Блор”. Дебора же обратилась к Нэнси в обычной своей манере и, сочетая здравый смысл с шутиливой митфордианской речью, постаралась ей объяснить, что мать задета и обижать ее не очень-то правильно. Памелу, сообщала Диана, Джессика и Нэнси довели до отчаяния, попере-бой жалуясь за ужином на свое горестное детство. “НЕПРАВДА!” – взвыла Пэм.

Сидни умерла в 1963-м, и, несмотря на чувство вины или как раз из-за той вины, которая окружала ее отношения с матерью, Нэнси все чаще подумывала взяться за мемуары. Она собиралась написать о своей взрослой жизни начиная с успеха “В поисках любви”, но время от времени вспоминать события прошлого и через них объяснять, кем она в итоге стала. Книге этой не суждено было быть написанной, но еще в 1971 году Нэнси интенсивно обменивалась мыслями по этому поводу с другой страдальницей – Джессикой.

Диана обливала жестоким презрением двух немолодых дам, запершихся в “кладовке Цып”. “Декка и Ноне – парочка злобных старух, обиженных на жизнь и назначивших виноватой за все несправедливости Мулю! Вот чушь-то!” Так она писала Деборе, и Дебора соглашалась с приговором, хотя и выражала эту же мысль более жизнерадостно: ее происходящее не так задевало, как старшую сестру, – поскольку она была моложе и обязанностей у нее хватало, возможно, она просто не слишком сосредотачивалась на этом конфликте. Она давала сестрам пронизательные и добродушные указания, стараясь подправить их перекошенную точку зрения, – например, в письме Нэнси она выражала сомнение, что Джессика так уж горела желанием сделаться профессором, – и в целом, говоря современным языком, советовала им перерастить детские обиды и жить дальше. И это разумный совет. С другой стороны, Нэнси – писатель, писатели видят все иначе. Для писателя, говорит Мюриэл Спарк, все – материал, ничто не пропадает зря. В этом смысле жаль, конечно, что Нэнси так и не написала автобиографию, было бы лучше и для читателей, и для нее самой.

Насколько автобиография оказалась бы близка к истине – отдельный вопрос. Нелюбовь ее к Сидни вполне искренна, однако из этого еще не следует, что эта неприязнь полностью оправдана. Без сомнения, кое-какие сведения, упомянутые Нэнси в более ранних письмах, почти что мимоходом, иной раз ошеломляют. Например, когда муж Нэнси Питер Родд вызвался в начале Второй мировой добровольцем, теща заметила: “Полагаю, его скоро пристрелят”. Когда врач, лечивший Нэнси от бесплодия, поинтересовался, не имела ли она контакта с сифилисом, Сидни ответила: ну да, первая няня действительно была заражена. Разумеется, такие подробности мы знаем только со слов Нэнси. Соответствуют ли они действительности? Замечание о Питере, скорее всего, отчасти правда, поскольку упоминается в двух письмах. Что касается истории про няню, как ни странно, Диана, обычно настроенная крайне скептически, пишет: от такого “волосы встают дыбом”, то есть она поверила или почти поверила. Трудно себе представить, чтобы кто-то, пусть даже Нэнси, изобрел подобное обвинение на пустом месте (разве что начитавшись Ибсена?). Поскольку никаких признаков инфекции у самой Нэнси не обнаружилось, с ее стороны было уж вовсе нелепо и далее обвинять мать в своей беде, но, по крайней мере, она могла ее упрекать в недостатке сочувствия и живого воображения – как можно было столь бессердечно подкрепить худшие страхи дочери!

Или свидетельство Джессики. В 1971 году она писала Нэнси о том, как Сидни, примерно в тридцать лет (“Она и в молодости бывала ужасна”), столкнулась в Дьеппе с насмерть перепуганной Нелли Ромилли (первой свекровью Джессики). Нелли, в ту пору совсем юная, еще незамужняя, проиграла десять фунтов и умоляла Сидни ссудить ей эту сумму, а Сидни вместо помощи “наябедничала” – напрямик отправилась к матери Нелли (Бланш Хозьер) и в подробностях уведомила ее о произошедшем. Источником этого рассказа, по словам Джессики, была сама Сидни, которая, очевидно (как многие доносчики), и спустя годы пребывала в уверенности, что поступила правильно. В этой части рассказ Джессики звучит правдоподобно и служит убедительным примером того холода, неодобрительного и неумолимого, который так отталкивал в матери и ее, и Нэнси (эти черты были свойственны и тете Дороти, Малютке). И все же Нэнси и Джессика могли бы не сводить счеты и не нянчиться со старыми обидами. Однако, возможно, такова уж природа писателя. Сидни, а также ее сестра могли бы в свой черед возложить всю вину на своего отца. Необычное и даже искаженное воспитание, без матери, в окружении отцовских любовниц, могло внушить им настроенность. Вероятно, Сидни с тех

пор не очень любила женское общество. Любители психоанализа всегда отыщут в детях грехи отцов. Но психоанализ не объяснит нам, почему влияние стимулируется и принимается в той или иной степени.

Придется признать, что, даже с учетом сложной наследственности Сидни и склонности ее дочерей преувеличивать, ту женщину, что вырастает из общих воспоминаний Нэнси и Джессики, полюбить нелегко. Холодная, сдержанная, щедрая на критику и скупая на похвалу – едва ли это те качества, которые хочется видеть в матери. Но и сами девочки были чересчур требовательны, и не стоит упрекать Сидни за желание укрыться “на своем облаке”, как это называется в романе “В поисках любви”. Кстати, тетя Сэди выглядит вполне симпатично, поскольку она наделена тем миффордианским очарованием, которого недоставало Сидни. На этот образ Нэнси ссылалась, ища себе оправдания после эссе о Блор, но тщетно. Похоже, и тетушкой Сэди Сидни не желала быть.

Может быть, она просто не хотела иметь столько дочерей (по свидетельству Деборы, она даже не внесла рождение последней дочери в свой календарик 1920 года, что, впрочем, саму Дебору несколько не задевало). Сидни было двадцать четыре года, когда родилась Нэнси; она была поразительно красива, привыкла к необычной и увлекательной жизни с отцом, заполненной флиртом, парусным спортом и катанием на коньках. Первые роды были трудными, и вскармливание грудью тоже, да и сама Нэнси, по правде говоря, всегда была трудной. Для женщины, не одаренной в большой степени материнским инстинктом, оказаться в окружении такого количества девочек, вопящих, красующихся, борющихся за внимание, – ситуация, требующая значительной внутренней адаптации и многих жертв. Нетрудно понять, почему от Сидни исходил холодок, и увидеть ситуацию как глазами Сидни, так и глазами Нэнси. Сложнее понять позицию Джессики, поскольку в целом сестры подтверждают, что после рождения Деборы, в сорок лет, Сидни заметно смягчилась (что тоже отражено в “В поисках любви”). Она изо всех сил старалась развлечь младших дочерей, и это в ту пору, когда не было возможности попросту плюнуть их на диван перед телевизором. Под недовольными взглядами Джессики и Юнити она затевала праздники, путешествия, круизы – возможно, превысив меру. Позднее она, скорее всего, задавалась вопросом, стоило ли вкладывать такие усилия.

Но как же ее влияние сказалось на каждой из них! Они продолжали обсуждать ее личность, ее характер до самого конца. Даже Диана (“О, я обожала мать”²⁷) в поздние годы признавалась, что ее “ужасала” строгость Сидни эпохи Астхолла. Она перечитала письма Памелы и укрепила в этом убеждении. Напрашивается подозрение: будь авторами писем Нэнси и Джессика, Диана сбросила бы их со счетов как преувеличение, хотя сама в юности “прошла через отчуждение, досаду и даже презрение к Сидни”²⁸ и не раз становилась жертвой материнского смертоносного неодобрения. Например, когда Диана ушла от мужа к сэру Освальду Мосли, мать запретила Джессике и Диане видеться с ней, и вот тогда Диана была обижена и зла, под стать Нэнси, однако, писала она спустя много лет, со временем предпочла забыть такие проявления “жестокости”. Отчасти сказалось поведение Сидни во время войны, ее преданность дочери, заключенной в Холлоуэе, и симпатия к Мосли. Второй муж Дианы заметно повлиял на ее отношение к семье: он обожал Сидни и на дух не переносил Нэнси (она видела его насквозь, а мужчины такого склада этого не прощают). К тому же Сидни, как и супруги Мосли, решительно выступала против войны с Германией. Она познакомилась с Гитлером, он ей понравился, и она еще долго сохраняла надежду на примирение. В первую неделю войны она чуть не выкинула Нэнси из машины, потому что та позволила себе нелестно отозваться о Гитлере (так Нэнси изложила этот эпизод в письме Джессике, а Джессика тридцать лет спустя повторила в документальном фильме на Би-би-си²⁹). Подлая несправедливость, бушевала Диана. Никто ведь не знает, как противно, “мелочно” вела себя Нэнси с матерью. У Сидни

терпение лопнуло. Вот в чем дело, а не в желании защитить фюрера. “Муля была такой замечательной, во сто крат замечательнее Нэнси”, – жалостливо подытоживала Диана.

Дебора, как обычно, старалась все смягчить. Она единственная из девочек Митфорд сумела сохранить добрые отношения со всеми сестрами, она вечно выслушивала их признания и умело ими жонглировала. Не обращая внимания на всю эту чепуху насчет Гитлера, Дебора продолжала обожать Диану и уважала страстное желание сестры отстоять мать. Джессика, по мнению Деборы, постоянно выискивала повод, чтобы атаковать Сидни как реакционерку, представительницу правого крыла и так далее, но “старая Цыпа имела большое сердце”. Нэнси – признавала Дебора – натура непростая: так и не сумела достаточно повзрослеть, чтобы принять мать такой, какая она есть, но из-за своей нелегкой жизни нуждалась в семейном козле отпущения. Дебора была снисходительнее к Нэнси, чем Диана. Однако младшая дочь была безоговорочно предана Сидни и понимала, что достойная миссис Беннет жизнь способна лишить умную женщину равновесия, и чем погружаться исступленно в дочерей, Сидни вполне разумно предпочла окружить себя броней холода и строгости. Нэнси материнская отчужденность приводила в отчаяние, Джессику бесила, а Юнити, возможно (всего лишь возможно), навсегда сделала неуравновешенной. Однако Дебору собственное воспитание вполне устраивало – или же оно никак на ней не отразилось. Отчужденность Сидни она передавала, предваряя каждую реплику матери протяжным вздохом: “Оррррннхх”. Таким простым приемом, типичным для Деборы суховатым и пронизательным абсурдом, удавалось нейтрализовать всякое ощущение холодности Сидни, пренебрежения повседневностью. “Расскажешь Муле что-нибудь потрясающее или пугающее, а в ответ порой: «Оррррннхх, малышон, подумать только...» – и все”. Если верить Деборе, сестры то и дело жаловались ей на мать, но ей самой, как младшей, было проще. Например, с двенадцати лет ее отпускали на охоту одну. “Хорошо леди Ридсдейл, – заметила как-то другая мать семейства. – У нее еще пять дочерей, если что и случится с Дебо, невелика беда...”

6

Под неоднозначное влияние Сидни подпал и друг семьи Джеймс Лиз-Милн. В 1963 году он писал в некрологе, что Сидни правила семьей с “невозмутимой безмятежностью, достоинством и обаянием”. Ее “патрицианская сдержанность” вовсе не отпугивала, а была “одним из секретов ее очарования”. Вспоминая, как он гостил в Астхолле и Свинбруке, автор некролога приходит к выводу: “Источником безоблачной радости тех дней – теперь я осознаю это с ностальгической печалью – была эта загадочная, щедрая, великодушная мать семейства”.

Отчасти тут мог сказаться и тот факт, что Лиз-Милн боготворил Диану – он был старше ее на пару лет, считал идеалом и оставался ей верен во всех перипетиях ее непростого взросления – и несколько недолюбливал Нэнси. Впрочем, он с Нэнси приятельствовал, однако в письменных отзывах нередко ее критиковал. “Обед не доставил особого удовольствия: Нэнси вздумала сверкать и совершенно меня изнурила” – типичная запись в дневнике. Ее манера поддразнивать, утверждал он, сродни “острой маленькой колючке, едва прикрытой, словно наживка на крючке рыбака, буйством пестрых перышек”. Многие люди, в том числе и Диана, считали Нэнси колючей. А вот Джон Бетжемен, близко знакомый с этой семьей, напротив, утверждал: “В Нэнси больше всего тепла”. С присущей поэту пронизательностью он мог угадать в ее отношениях с Сидни ту накапливаемую и с годами уплотняющуюся горечь, которую не смягчила и смерть. Но с точки зрения тех, кто склонен к критике, отношения Нэнси с матерью выставляли ее в плохом свете. Лиз-Милн превозносил именно те качества Сидни, которые пробуждали в Нэнси и чувство вины, и уверенность, что ее не хотят понять. Хотелось бы знать, как она прочла этот текст. Джессике некролог понравился настолько, что она даже не стала возражать против замечаний в адрес “Достопочтенных и мятежников”, но прошла по поводу

приписываемой Сидни “души моряка”: “Хорошо Лиз-Милну рассуждать, но кто бы пожелал себе в родители морехода?”³⁰

Лиз-Милн, как он рассказывает, одним из первых наблюдал “феномен Митфордов” в действии. В автобиографии он описывает ужин в Свинбруке в 1926-м, когда, по его словам, Дэвид закатил чудовищный скандал, возмутившись словами Лиз-Милна, что Англии следовало бы заключить союз с Германией (похоже, эта тема возникала нередко). Хозяин дома принялся орать: “Вы не знаете проклятых гуннов! Они хуже всех чертей в аду!” Сидни, эта святая, кое-как успокоила мужа (“с выражением муки на ее милом лице”), но дело зашло слишком далеко. Все девочки, пишет Лиз-Милн, от двадцатилетней Нэнси до шестилетней Деборы, “переглянулись и запели в унисон: «Мы не хотим терять вас, / Но пробил час – идите»”⁵.

Оказалось, что все это выдумки. Для человека, который не в восторге от творчества Нэнси, как он сам потом признал, Лиз-Милн оказался удивительно податлив на ее мифотворчество. Его воспоминания были опубликованы в 1970-м, через двадцать пять лет после “В поисках любви”, и этот ужин – ни дать ни взять сцена из романа: беснующийся дядя Мэтью, спокойная тетушка Сэди, шесть красивых и живых сестер. “Девочки Митфорд” в автобиографии Лиз-Милна – литературный образ, а не воспоминание. На самом деле этот ужин состоялся в 1928-м и не завершился бодрой песенкой; более того, едва ли на нем присутствовали младшие сестры. Но вечер действительно перерос в резкую и непривычную для этой компании ссору, о чем ясно дает понять письмо Нэнси, написанное в ту пору Тому. Много лет спустя Диана отзывалась об этом эпизоде как об исключительном случае, когда “все” одновременно вышли из себя.

Лиз-Милн познакомился с Митфордами через Тома: они учились в одной подготовительной школе и стали в Итоне любовниками. В другом томе автобиографии Лиз-Милн передает эти отношения с поразительной и трогательной откровенностью: как воскресными вечерами за школьной часовней “мы с ним... страстно обнимались, губы к губам, тело к телу, каждый чувствовал прижавшийся к нему член другого...” После Итона, как пишет Лиз-Милн, Том имел исключительно гетеросексуальные связи, хотя в школе у него было еще несколько романов, в том числе с Хэмишем Сент-Клер-Эрскином, за которого Нэнси позднее мечтала выйти замуж. Однажды Том пригласил друга в Свинбрук и мать спросила, не против ли он разделить с гостем свою комнату. Сестры Тома хохотали до истерики. Иными словами, они прекрасно знали о затеях Тома – вероятно, от него же, – и тем страннее, что в будущем Нэнси не пожелает смириться с гомосексуальностью Хэмиша.

Том, как и Диана, идеально воплощает митфордианскую красоту и ум. Все семейные качества аккумулировались в нем, породив мужчину, который хотя и не вполне реализовался с точки зрения света, но оставил след, просто будучи таким, каким был. А был он рафинированным продуктом своего класса, с бесстрастным выражением лица и придиричвым умом. “Ничто, кроме самого лучшего, его не устраивало”, – писал Лиз-Милн³¹. Изысканный вкус – Милтон, Шопенгауэр, Бах – не был чужд и сестрам, особенно Диане. В Бэтсфорде, когда Том готовился к поступлению в школу, Нэнси состязалась с ним в начитанности, а позднее страхи Джессики остаться необразованной душой были слегка смягчены благодаря советам Тома, какие книги читать.

После Итона – Том закончил его в 1927 году, незадолго до того как семья перебралась в Свинбрук, – вместо университета он отправился в путешествие по Европе. Учился музыке, некоторое время провел в Австрии в старинном замке Бернштейн у венгерского графа Януша фон Алмаши. Высказывалось предположение³², что у Тома была связь с Алмаши (позднее такой же слух возник насчет Юнити), но никаких доказательств этого, кроме прежних предпо-

⁵ Рефрен из популярной в Англии песни времен Первой мировой войны, в которой женщины обращаются к мужчинам с призывом идти на фронт.

чтений Тома, нет. Нэнси дразнила брата, мол, Сидни думает, его “австрийские друзья совсем завладели мальчиком”, – хм, хм, – но на этот раз Том увлекся девушкой, Франческой Эрдоди. Потом он задержался в Берлине. Что-то в этой грандиозной и бескомпромиссной культуре пленяло юношу, как и его деда и двух его сестер.

Том мечтал о музыке, но в 1929 году начал учиться на юриста в Иннер-темпл. Приходилось думать о заработке: хотя Дэвид выделил сыну содержание, надежной финансовой поддержки не хватало. Его взял на работу Норман Биркетт, королевский адвокат с хорошей репутацией, и в 1935 году Том участвовал в защите Альмы Раттенбери, обвинявшейся в убийстве мужа (при соучастии молодого любовника)³³. Это было одно из самых сенсационных дел того десятилетия. Джессика, только начавшая выезжать в свет, прокрадывалась на заседания суда в Олд-Бейли, на что ее отец реагировал примерно так же, как дядя Мэтью на упоминание детьми Оскара Уайльда.

Одновременно Том вращался и в высшем обществе. Среди его ближайших друзей значился троюродный брат, Рэндольф Черчилль, да и с самим Уинстоном, несмотря на разницу в тридцать пять лет, Том неплохо ладил. Он все время влюблялся, думали, что он женится на миленькой юной Пенелопе Дадли Уорд, но (как и тогдашний принц Уэльский) Том предпочитал опытных дам вроде графини Эрдоди и замужней принцессы де Фосиньи-Люсинь или же австрийской танцовщицы Тиллы Лош. Вероятно, их утонченность служила наилучшим противоядием от избыточной экспансивности “девочек Митфорд”; Лош, например, профессионально разыгрывала недотрогу, это было единственное качество, которого сестрам Тома явно недоставало.

Во всяком случае, женщины вовсе не внушали ему страха. Это поразительно: выросший в окружении такого количества женщин со столь сильными характерами, энергичных даже в скуке, беспощадных в соревновании – в том числе в состязании за его любовь, – он вполне мог сдаться и решить, что женщины его подавляют, как решил в свое время брат сестер Бронте. Он мог стесняться девочек, встать на сторону своих друзей мужчин против них, но он был исключительно добр к Нэнси, терзаемой бесплодной страстью к Хэмишу. Однажды в 1929 году он спас ее из “Кафе де Пари”, куда она отправилась вместе с Хэмишем, имея семь шиллингов на двоих (вполне типично). “Мы запаниковали, – писала она подруге, – но тут явилась мрачная неодобрительная физия старого Мита”. Том одолжил сестре фунт и увез ее в ночной клуб – идеальное для брата поведение, как и готовность пригласить Джессику в качестве своей пары на бал в Иннер-темпл (в 1935 году, в ее дебют). Том мог вырасти капризным, требовательным, любим, каким пожелал бы, учитывая, что, словно царевич Алексей, он был единственным желанным мальчиком, но он выбрал иной путь и справлялся с такой семейной ситуацией легко. Он был, как ни избито это выражение, аристократически невозмутим, причем истинная невозмутимость вовсе не подразумевала душевной холодности – Том всего лишь умел держаться на небольшой дистанции и как-то устраивался так, что все стремились ему угодить. Если это естественный результат воспитания рядом с сестрами, то, наверное, и лучший способ выжить в такой семье. Те две сестры, которые были Тому наиболее близки, Нэнси и Диана, выбирали мужчин, также склонных держаться отстраненно, таких, к кому женщина должна прийти сама.

Позднее биограф Юнити намекал на нездоровые отношения брата с сестрами: инцест вроде бы принадлежал к “излюбленным темам разговора”, и “на долю Тома приходилось особенно много таких шуток”³⁴. Вполне можно себе представить, как Юнити бросает подзуживающие намеки, да и Нэнси, стремившаяся продемонстрировать отвагу и свободу, могла выражаться в таком духе. Однако не стоит делать далеко идущие выводы. Было бы удивительнее, если бы Тома *не* дразнили.

При всей взаимной и, кажется, действительно безоблачной привязанности, он заметно отличался от сестер. Например, Том страдал депрессиями, в то время как сестры с железной решимостью стремились быть счастливыми. Он радовался журчанию их неумолчных шуток, но

не обладал подобным даром все обращать в смех. Тем не менее в 1930 году он выступил в роли “Бруно Хата”, немецкого художника-авангардиста, прикованного к инвалидной коляске, и в таком виде явился на частную выставку, организованную Дианой и ее первым мужем (а каталог картин составил Ивлин Во). Бедняга Литтон Стрейчи даже купил одно из произведений Бруно Хата. Возможно, он всего лишь пытался угодить Диане, своей близкой подруге; к тому времени старшие девочки Митфорд уже освоили большой мир, с которым на протяжении десяти лет их связывал главным образом Том.

Том был необходим этой семье – как Памела, но более динамичным образом. Без него зазубренная конфигурация Нэнси – Диана – Юнити – Джессика полностью перевешивала бы. Тома все и уважали, и любили. Для этого всего-то и требовалось принадлежать к мужскому полу и не слишком высовываться, но Том делал гораздо больше, и впечатление, оставленное его личностью, долго не изглаживалось. И тем не менее Том остался загадкой. Позднее сестры будут рвать друг друга в клочья, споря, симпатизировал он фашистам или нет. Никто не мог в точности разобраться в его чувствах. В отличие от Рэдлетов из “В поисках любви” с их открытостью, Том был мужским аналогом изысканной Полли Хемптон из “Любви в холодном климате”: как бы ни полыхали в нем эмоции, он все держал в себе. Полли отчасти списана с Дианы, однако Диана, при всей загадочности, высказывала свое мнение в письмах и воспоминаниях, а от Тома даже писем дошло очень мало. Это дружественные и пронизательные послания, однако отнюдь не митфордианские по тону. Так, в 1930 году Том описывает матери перелет вдоль английского побережья всемером (в числе пассажиров были Черчилль и Т. Э. Лоуренс): “Весьма занятно лететь *очень* низко над кромкой моря, подпрыгивая над пирсами Брайтона и Литтлхемптона, к изумлению гуляющих там людей”. В тот год Том, записавшийся в авиационный резерв, попал в аварию (его самолет врезался в дерево при попытке взлететь из Свинбрука). Его отвезли в больницу в Бурфорде, Том отделался сотрясением мозга, но нетрудно вообразить, как силен был в ту пору – когда несчастья еще не начали обрушиваться на Митфордов со всех сторон – ужас его родителей и как тщательно они этот ужас скрывали.

В 1930-м Том проводил каникулы с родителями и с набором сестер в Сен-Морице, они бесконечно катались на коньках. Еще одно семейное увлечение. В юности Сидни любила коньки и была влюблена в своего тренера. “Я бы даже позволила ему поцеловать меня”, – записывала она в дневнике. Дэвид, в пятьдесят с небольшим лет все еще не знавший, куда деть избыток сил, часто навещался на каток в Оксфорде вместе со своим братом Джеком. Оба они галантно флиртовали с инструкторшами родом из Австрии. Юнити завоевала в этом виде спорта бронзовую медаль, хотя однажды упала и ударила лицом, забыв вовремя выставить вперед руки (“Я ждала, к чему побудит меня инстинкт”). Том оказался достаточно талантлив, чтобы кататься в паре с олимпийской чемпионкой Соней Хени (ее не раз приглашали сниматься в голливудских фильмах), а Дебора, чьим партнером в Сен-Морице был министр-консерватор сэр Сэмюэль Хор, получила приглашение в британскую команду юниоров, но мать, даже не сообщив об этом младшей дочери, отвергла предложение (узнав об этом, Дебора, как она признается в автобиографии, почувствовала необычайно сильное по ее меркам сожаление). В этом семейном отдыхе принимал участие и Джек Митфорд, готовившийся к спуску на санях. При нем состояла гламурная хористка Шейла Грэм, которая позднее сделалась очень успешной колумнисткой в Голливуде (одной из первых возмутительниц спокойствия в журналистике) и последней любовью Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Одна из тех умненьких девиц, кому интуиция помогает извлечь выгоду из любой ситуации, Грэм охотно общалась с Митфордами – хотя в ту пору они еще ничем не прославились, – стремилась перенять их культурный, как ей казалось, разговор и аристократическую легкость. Возможно, это было в ее натуре, но в итоге она – пожалуй, уникальный случай – больше привязалась к мужчинам этой семьи, чем к женщинам. Разумеется, ее грезы главным образом сосредотачивались на Томе, “самом красивом

мужчине, какого я видела в жизни... Я бы основала собственную аристократию – я бы хотела иметь от него детей, чтобы сыновья были похожи на саксонских королей”³⁵.

7

Сравнивали с саксонскими королями и Дэвида. Шейла Грэм, вероятно, была осведомлена о древности семейства Митфорд, но Дэвида она оценивала в первую очередь по внешности и манере держаться – “великолепные плечи”, “чудесной лепки голова”, неукротимый облик аристократа, господствующего благодаря своей силе, достигшего власти именно потому, что заведомо считал себя вправе господствовать.

Он производил впечатление человека, созданного для более простой эпохи. Точно так же изображала отца и Нэнси. “Такие люди... как дядя Мэтью, не были бы собой, если бы не царили всегда в собственных замках, – писала она в прощальном романе 1960 года «Не говорите Альфреду». – Этот тип исчезает вместе с крестьянами, верховыми лошадьми и парижскими авеню, сменяясь, как и они, чем-то менее красочным и более утилитарным”. К тому времени, как она взялась за этот роман, Дэвид уже покоился в могиле и давно перестал быть дядей Мэтью, но в художественном воображении Нэнси он сделался символом чего-то невозвратимого, более величественного и вольного, чем та эпоха, когда в реальности жили и он, и она.

Другие девочки Митфорд в целом признавали в образе дяди Мэтью своего отца. Кое-чем возражала Диана – “он не был до такой степени безумен”³⁶, – и вместе с Деборой они отвергали неоднократно повторявшееся в романах утверждение, будто он был свиреп. Но в отличие от своей жены Дэвид не вызывал глубоких разногласий среди дочерей. Он был теплее, чем Сидни, уязвимее, понятнее и слабее, несмотря на присущую этой породе уверенность в себе. Обделенный вниманием в детстве, затмеваемый харизматичным отцом и образцовым братом, обманувшийся в надежде сделать карьеру в армии, он тянулся к безмятежному боже-ству, каким была в юности Сидни, и в первые годы брака писал о своем великом счастье. Его, как и Тома, вполне устраивала жизнь в окружении женщин. Когда в 1920 году родилась Дебора, горничная Мейбл утверждала: “Я сразу по лицу его милости угадала, что опять девочка”, но разочарование было мимолетным. Если первоначальные радости семейной жизни после медового месяца в столице несколько поблекли, то семь лет в Астхолле стали, безусловно, периодом величайшего довольства, какое знал Дэвид. Тут он мог поразмять ноги на собственной земле цвета фазаночкиного пера, караулить дичь в схронах, удить форель в Уиндраше, целых три мили которого принадлежали ему, занимать достойное место в мире среди своих людей. Диана позднее вспоминала, как в раннем детстве отец подхватывал ее и легко носил повсюду с собой, расхаживая по имению: “Успокоительное щекотание вельветовых рубчиков его куртки неотделимо от моих воспоминаний о нем”³⁷.

Дэвид был снисходительным отцом. Хотя – не чета современным родителям – он был, несомненно, отцом, а не приятелем своих детей, он с радостью входил в их мир, привлеченный их энергией, фантазией, порой даже плохим поведением, и во многом поощрял их (правда, не в интеллектуальном развитии). Пони, которого он доставил в Хай-Уиком в вагоне третьего класса, был куплен под мостом Блэкфрайрз, потому что Дэвид внезапно сообразил: вот чем можно порадовать детей. В Астхолле он запрудил реку и устроил купальню, чтобы дети могли научиться плавать, сначала с доской-поплавком. Возвращаясь домой с купания, в темно-синем саржевом одеянии и “кринолине” (смешной юбочке, надеваемой скромности ради), он веселил детей, подбирая босыми ступнями камни и палки и приговаривая: “Смотрите, как ловко действуют мои хватательные конечности”. Его обороты речи – вполне и безусловно его собственные – сочетали умышленный забавный педантизм, псевдоученые эпитеты (“убери деградирующие локти со стола”) и прямоту, которая в своей простоте граничила с поэзией (“беспо-

лезный кусок мяса / книжная пещера / гнилой малый”). Это было для него столь же органично, как митфордианский диалект для его дочерей, однако чувствуется, что он знал, как их это потешает, и потому местами утрировал. Благодаря Нэнси эта манера выражаться обеспечила Дэвиду нечто вроде бессмертия.

Дядюшка Мэтью оказался более удачной попыткой изобразить отца, чем первая проба – надутый и рокошующий генерал Мергатройд в “Шотландском танце”, но оба персонажа унаследовали его своевольный и непредсказуемый характер. Как поясняла Дебора, “рациональность в его систему не входила”. В детстве Дэвид закатывал бурные истерики, а однажды, когда отец запер его в комнате, накалил кочергу и приготовился прорываться и мстить. “В поисках любви” довольно точно передает, как дети, дразня, подначивая, приставая к нему с предложением измерить объем головы и удостовериться, что он “недочеловек”, дюйм за дюймом подталкивают его к той границе, когда благодушие, с каким он все это принимал, вдруг сменялось взрывом.

Это достаточно схоже с реальностью, вот только приступы ярости у прототипа были не столь предсказуемы, как у описанного с него персонажа, и потому больше пугали. У дядюшки Мэтью имелись тысячи причин для бешенства – от нарушения пунктуальности (“еще шесть минут и три четверти, и чертов малый явится с опозданием”) и соседки леди Монтдор (“ведьма из ада”) до ухажеров его дочери (“сточные трубы”)³⁸, славян (“значит, серб? Сразу видно – побриться бы не мешало”), всех иностранцев скопом (“все они одинаковы, и меня от них тошнит”) и так далее. Но его ненависть в своей всеохватности парадоксальным образом становится уже не столь злокачественной, поскольку она бессмысленна и почти ритуальна. Дэвид в целом был мягче, но тем разрушительнее действовал его гнев. Источником постоянной ярости, возможно, было напряжение, постоянные проблемы из-за отсутствия легкого, перелом таза, после которого нельзя было кататься верхом, а вовсе не желание громыхать и запугивать. У Дэвида не было дурных склонностей, за исключением разве что курения. Он не пил, играл крайне редко, не бегал (в этом мы можем быть практически уверены) за женщинами и, хотя состоял в палате пэров и в аристократических клубах “Карлтон”, “Мальборо”, не любил расслабляться в шумной мужской компании. Таким образом, выхода для накопившихся эмоций не оставалось – кроме внезапных взрывов. Он бывал порой груб, что испытал на себе Джеймс Лиз-Милн. Чрезвычайно педантичный в привычках, он приходил в ужас от неопрятной одежды, пятен на “хорошей скатерти”, от всего липкого (он сам признавался, что ад – это капля меда на цилиндре). Изводила его и манера Юнити поглощать большие количества картофельного пюре, не сводя при этом с отца взгляда огромных злобных глаз. Иногда она соскальзывала со стула и устраивалась под столом. В такой ситуации и гневные рулады отца, и отстраненность матери явно оказывались непригодными и нисколько не помогали воспитанию, однако – что могло бы подействовать лучше?

Джессика безусловно опознала в дядюшке Мэтью отца (впрочем, она была готова отождествить его и с генералом Мергатройдом), особенно точным казалось ей его отношение к образованию. Она распространяла созданный Нэнси миф, будто Дэвид считал ненужным *учить* девочек (отчасти верно), ненавидел книги (совсем не верно) и видеть не мог девочку с книгой в руках. Дескать, стоило ему застать одну из дочерей за чтением, как он *тут* же выдумывал ей дело: “Иди скажи Хуперу (груму) то-то и то-то”, лишь бы досадить. В такое еще можно было бы поверить, если бы девочки прохлаждались с книгой в доме, но поскольку книги находились в сарае Астхолла, все желающие могли без помех предаться зловердному наслаждению.

К тому же Дэвид вовсе не хотел вырастить их невежами (как и его бабушка, леди Эйрли, он настаивал на свободном владении французским языком). Просто он следовал представлениям своего класса. Живущий в поместье аристократ, чье детство пришлось на середину Викторианской эпохи, *должен был* учить дочерей преимущественно дома, чтобы они оттачивали манеры и лоск, хорошо сидели в седле и приготовились к успешному выходу в свет. Дэвид был

великодушнее многих отцов и не подавлял склонности дочерей. Эту гремучую смесь реакционности и либерализма, ограничений и свободы, неоднократно клеймили как источник экстремизма некоторых девочек Митфорд. И вероятно, справедливо. Однако дело обстоит сложнее: было несколько факторов. Нельзя же винить Дэвида в том, что у него родилось так много дочерей, что они были одаренными, скорыми на выдумку, отчаянно соревновались друг с другом, борясь за внимание равнодушной матери, и росли в тот век, когда мир сошел с ума.

Несомненно, на дочерей повлияла личность Дэвида, его театральность, расцветшая благодаря полученному наследству. Он был большой человек, с размахом – не только физическим, и девочек тоже привлекал выразительно мужской тип. “Новый человек” их мало заинтересовал. Лишь намного позже стали они прозревать недостатки, скрытые под блистательной оболочкой их отца.

Так, он совершенно не умел обращаться с деньгами. “Бедняжка Додди, такой *невезучий*”, – пренебрежительно отзывалась о его затеях мать (но и Климентина отнюдь не блистала финансовыми способностями: растратив за свою жизнь многие тысячи фунтов, под старость она перебралась из особняка в Эрлс-корте в принадлежавший Ридсдейлам нортумберлендский коттедж и там выгуливала на поводке свинью). Опять-таки едва ли справедливо упрекать Дэвида за отсутствие финансовых способностей, хотя сам он, вероятно, себя в этом винил. После продажи Бэтсфорда вместе со значительной частью обстановки, а также дома в Кенсингтоне и нортумберлендского поместья он, казалось бы, мог не знать забот до конца жизни, тем более что серьезные расходы на образование требовались только Тому. В 1921 году Сидни тоже получила немалое подспорье: ее отец умер, оставив ей примерно четверть своего состояния в 60 000 фунтов. Юридически эти деньги принадлежали только ей, но и они пошли в дело. Дэвид тем временем округлил свинбрукские владения, вполне разумно вложив деньги в землю. И все же, как едко отзывается Нэнси о воображаемом лорде Фортинбрасе, “он и его предки воспринимали свои поместья с точки зрения спорта, а не хозяйства”.

Да, словно Фортинбрас, Дэвид сажал леса ради дичи и превращал свое имение в просторную игровую площадку под открытым небом. В усадьбе Астхолл он занимался серьезными усовершенствованиями и помимо пристроек: провел электрический свет от небольшой гидростанции, посадил на подходе к дому дивную березовую аллею – и все эти усилия ради поместья, от которого он собирался избавиться. “Ох, какое безумие сделать все это, а потом продать себе в убыток и строить Свинбрук”, – сокрушалась Диана в письме к Деборе шестьдесят лет спустя. И правда безумие. Если бы Дэвид так не настаивал на переезде в Свинбрук, он мог бы в финансовом смысле “продержаться”, но упорство и многократные разочарования вынуждали к подобным решениям.

Хотя Астхолл удалось продать лишь в 1926 году, он был выставлен на продажу (вместе с 2140 акрами земли) уже в 1922-м, а на следующий год сдавался в аренду. То ли покупателя не нашлось, то ли Дэвид на время передумал. Семья же переехала в ненавистный Свинбрук с восемнадцатью спальнями, построенный на месте старого дома. Ничего особенно плохого в новом здании не было (разве что избыточная симметричность придавала ему казенный вид), но уют по заказу не производится, и после Астхолла новое жилище выглядело пустым и холодным. Детям лишь “кладовая Цып” казалась уютной, а вилки и ножи – ледяными (“невозможно взять в руки”). Внутренние двери сколотили из вяза, которым легко занозиться. Нэнси, нещадно высмеивавшая Свинбрук, утверждала, что дверь в ванную запирать бесполезно – в щель можно целиком просунуть голову и полюбоваться всем происходящим внутри. Сидни с обычным своим безупречным вкусом оставила дом, однако красивая мебель смотрелась тут не на месте. Только Деборе нравился этот дом – в шесть лет она едва ли помнила, как мил и удобен был расплзшийся в разные стороны Астхолл, – но все прочие чувствовали глухую досаду. И Дэвид, наверное, вновь винил себя. “В Свинбруке его веселость пошла на убыль, – писала Диана, – и он стал почти (хотя и не до конца) взрослым”.

Переезд действительно расколол семью. С бессознательной поэтичностью Сидни выразила чувство утраты, сказав, что жизнь в Астхолле запомнилась ей как “сплошное лето”. Но к 1926 году произошли и другие перемены, совпавшие по времени с переездом. Нэнси и Пэм успели выйти в свет, Том заканчивал Итон, Диана готовилась к первому сезону, то есть разделение семьи происходило естественно и неизбежно. Старшие дети едва ли особо переживали из-за того, что дедушкина библиотека теперь расположилась в кабинете отца, а пианино стояло на глазах у всех в вытянутой белой гостиной, где не возникало особого желания присесть и поиграть. Но Джессика, разумеется, оплакивала свой сарай в Астхолле, это идеальное убежище. Складывается впечатление, что уклад жизни младших девочек был проще и даже глупее, чем у Нэнси и Дианы. Если присмотреться к поведению Джесси и Виктории в “Любви в холодном климате” – вечно кудахчут про секс (“ближженство!”) и расппевают заголовки из “Дейли экспресс”, – то кажется, что Нэнси перенесла в роман настроение из реальной жизни. Деборе, с ее абсолютно здоровым душевным расположением и любовью к сельским забавам, это было по нраву – незаметно сколько-нибудь дурных последствий от такой жизни интроверта среди экстравертов. Ее целиком поглощали долгие дни в оксфордширской глубинке; прелестная деревня с маленьким зеленым квадратом газона для игры в крикет; церквушка, где она облизывала скамейки³⁹ и расставляла примулы перед Пасхой; лес, где рос Висельный дуб, некогда и впрямь использовавшийся для казни; кузница, где мастер умело и грубовато подковывал лошадей и подбивал ботинки; обожаемый грум Хупер, чья кобыла – настоящая боевая лошадь – пала в 1927 году именно в тот момент, когда наступила минута молчания в память погибших на Первой мировой. Множество прекрасных псов, куры, сплетничавшие и суетившиеся под ногами, – она собирала яйца, и мать выдавала ей за это прибавку к карманным деньгам. Все вместе складывалось в неколебимую скалу, которая могла устоять в будущих бурях. Но Джессика и Юнити страдали в Свинбруке главным образом из-за того, что оказались отрезаны от внешнего мира и чересчур зависели друг от друга, – впрочем, у Юнити не было бы такой необходимости, сумеет она удержаться в школе.

Осенью 1926-го, незадолго до переезда в Свинбрук, Сидни съездила с дочерьми и Блор в Париж. Они провели несколько месяцев в семейном пансионе на авеню Виктора Гюго, это было обычным делом в те времена и обходилось совсем не так дорого, как сейчас. Диану записали в институт благородных девиц “Курс Фенелон”, и там, по ее словам, она большему научилась за полгода, чем за шесть лет в Астхолле. К трем младшим приставили гувернантку. Нэнси отыскала в Париже любимую подругу Мэри О’Нил, чей дед в это время был послом Великобритании во Франции, и, судя по ее восторженному письму Тому, они великолепно проводили время. Вместе с Пэм она гостила у барона Робера де Ротшильда, обедала в посольстве у Мэри и погружалась в историю Франции XVIII столетия, которой увлечется на всю жизнь (“Они были все в точности как ОДИН”, – скажет она о Версальском дворе при Людовике XV).

Нэнси впервые побывала в Париже в 1922 году с девочками из школы “Хейтроп Касл”. Первое предчувствие, первая встреча с медово-сумрачным городом, где она будет потом так счастлива... Стоя на авеню Анри-Мартен в ожидании автобуса, писала потом Нэнси, она расплакалась, не выдержав этой красоты. Этот культ Парижа, Франции, поклонение чуть ли не каждому французу, современнику и давно умершему, укрепились, наверное, в пору Второй мировой войны, в противостоянии тевтонским симпатиям других членов семьи, но чувство изначально было совершенно подлинным. Ее характер – легкость, церемонность, взыскательность – точно отражался в духах “Фрагонар” и севрском фарфоре. И после нескольких месяцев парижского блаженства тем ужаснее было возвращение в новый дом в Свинбруке. Она изливала свои чувства Тому: “Семейство Митфорд пребывает в когтях свирепой депрессии”. Словно все еще оставаясь детьми, но уже с беспощадностью почти взрослых они сочинили собственную воображаемую страну Кр, антипод Свинбрука.

Кое-как эту жизнь скрашивал лондонский дом, приобретенный к тому времени Дэвидом на Ратленд-гейт 26, с конюшнями при нем. Дом стоил без малого 28 000 фунтов, сумма невероятная. И не так уж он был красив, этот высокий, торчащий в стороне от других особняк; рядом с ним, как и в Астхолле, находилось кладбище, на этот раз Русской православной церкви. И все же он был роскошен – с балконом, выходящим на Гайд-парк, с установленным внутри по требованию Дэвида лифтом, с очаровательной гостиной в серых и золотистых тонах и старинной системой для переговоров: нужно было подуть в раструб и, когда на другом этаже откликнутся, начать общение. Такие подробности наводят на мысль, что дом был чрезвычайно велик – и эта догадка верна: гигантский старинный лондонский особняк, девять человек прислуги. Поблизости от “скверного старого Харрода”, как Сидни обозначала магазин “Харродс”, из которого семейству доставляли продукты, и от Альберт-холла, куда они приобрели абонемент, а также, на радость Деборы, недалеко и от Таттерсола на Найтсбридж-Грин, аукциона, где в ту пору выставляли чистопородных лошадей.

Однако лондонский дом с 1929 года почти все время сдавался в аренду: с финансами у Митфордов стало совсем туго. Сначала там поселился граф Элгин, а Свинбрук арендовал сэр Чарльз Хамбро. Даймлер был продан. Девочки теснились то в перестроенной конюшне на Ратленд-гейт, то в коттедже в Хай-Уикоме. Дэвид снова отправился в Канаду на поиски золота. Ивлин Во, в ту пору тоже безденежный, вздыхал: “Поехать, что ли, покопаться в мифическом золотом руднике лорда Ридсдейла? Да только вряд ли он меня пустит”⁴⁰.

Бедность была все-таки относительной и непостоянной – например, в 1931 году семья смогла вернуться в Свинбрук. Отчасти вину можно возложить на крах Уолл-стрит, который столько унес с собой. Но и до того Дэвид на протяжении десяти лет продавал и строил, продавал и покупал, всегда и во всем перегибая палку и поступая так, словно дела сами собой уладятся, – и при этом не уставал предостерегать дочерей, что у них приданого не будет. (И не было. “О, у меня в жизни не было *денег*”, – вскричала Нэнси во время телевизионного интервью⁴¹. Она заявила, что и “Шотландский танец” написала исключительно с целью “заработать сто фунтов”). Но, как ни странно, ни одну из девочек Митфорд отцовская расточительность особо не огорчала. Они принимали ее как данность – или же не воспринимали чересчур серьезно. “Мы жили, так сказать, меж двух молотков, – шутила впоследствии Нэнси. – Молотка строителя и молотка аукционера”⁴². Но ведь изначально наследство было изрядным. После продажи Бэтсфорда – а в ту пору многие аристократы избавлялись от разорительных старых усадеб, – казалось бы, все проблемы должны закончиться. Беда в том, что главная проблема заключалась в самом Дэвиде. Он женился на женщине, способной безукоризненно вести счета и благо-разумно платить жалованье гувернантке, продавая яйца лондонским клубам. Она попыталась приучить дочерей к экономии, предложив им спланировать траты внутри семейного бюджета в 500 фунтов (“Цветы: 490 ф.” – такова была первая строка расходов у Нэнси). Но бороться с неверными инстинктами мужа и ей оказалось не под силу. Правда, Сидни родилась в Викторианскую эпоху, когда женам не полагалось сомневаться в разумности мужей, но на самом деле всякая женщина, если только судьба не связала ее с монстром, умела деликатно направить супруга на путь здравого смысла. Возможно, Диана, утверждавшая впоследствии, что бесконечные продажи и переезды ужасно удручали ее мать, права и в том, что отец “никогда не слушал Мулю”.

Он продал Астхолл с убытком – снова повел себя как “бедный Додди” – и за Бэтсфорд тоже не выручил настоящую его цену. Имение выставлялось на аукционе, однако в итоге было продано частным образом, как и поместье Оттерберн, примерно 12 000 акров в Нортумберленде, – и покупатель немедленно перепродал землю. Этот *случай* приводился в парламентских дебатах как пример “неприятностей, которые причиняют арендаторам земельные

спекуляции”. Очевидно, предполагалось, что Дэвиду следовало приложить больше усилий и сохранить землю за собой. Деньги приходят и уходят, а земля остается.

Затем Дэвид попытался затеять собственный бизнес и подошел к этому, как герой приключенческих книжек для мальчиков: то отправлялся на золотые прииски, то участвовал в предприятии по подъему галеона, затонувшего с ценным грузом. И самое печальное: его шурин Джеффри Боулз уговорил Дэвида вложиться в компанию таинственного латиноамериканца “маркиза Андии”. Этот человек додумался, что радиоприемники, которые тогда – в конце 1920-х годов – были большими и уродливыми коробками, не должны находиться на виду. Он решил прятать их в декоративные пластиковые контейнеры. Как с деликатной издевкой отзывалась Диана, эти контейнеры “заняли бы почетное место среди розового фарфора”. В ту пору подобная идея могла казаться удачной, хотя задним числом выглядит гротескной, словно затеи той женщины из романа Патрика Хамильтона “Стипсон и Горе”, которая прятала телефонный аппарат под юбками куклы в костюме Марии-Антуанетты. Дэвид, возглавивший компанию “Артандия лимитед”, вскоре пал духом и отсоветовал своему другу лорду Дулверстону (тому самому, кто купил у него Бэтсфорд) становиться соучредителем. Его слова подхватило сарафанное радио, и в 1930 году Дэвид предстал перед судом по обвинению в клевете: он-де назвал маркиза мошенником и самозванцем и оскорбил его жену (она, мол, “сами знаете что”). Конечно, Дэвид так и говорил. Однако он выдержал перекрестный допрос, понравился судье, и дело закрыли.

Маркиз вернул Дэвиду 13 000 фунтов, но неизвестно, какие суммы лорд Ридсдейл вкладывал в подобные схемы. “Вот как растаяли миллионы [sic!], полученные за Бэтсфорд, – писала много лет спустя Диана Деборе. – Пуля был простодушен”. Он оценивал ситуации с точностью до наоборот. Он отверг возможность инвестировать в первые ледогенераторы – а впоследствии они появились в каждом британском пабе. По слухам, он также предпочел не вкладывать деньги в завод своего старого друга Уильяма Морриса, хотя чрезвычайно интересовался автомобилями: в 1929 году Дэвид высказал в палате пэров свое мнение по поводу предлагавшегося экзамена на права. Как и следовало ожидать, он высказался против законопроекта, ссылаясь на свой опыт такого испытания во Франции: “Совершенно бессмысленный и ничего не доказывающий фарс”. Продав даймлер, которым управлял специально нанятый шофер, Дэвид купил моррис, охотно водил его сам и часами торчал на автозаводе своего друга в Коули, под Оксфордом. “Поскольку особых дел у него не было, – писала Диана, – все-таки, оглядываясь назад, сожалеешь, что он не обеспечил себе доход, присоединившись к этой чрезвычайно успешной компании”⁴³.

Однако Нэнси совершенно справедливо замечает в “Английской аристократии”: “Разве лорду и леди Фортинбрас когда-нибудь приходило в голову найти себе работу и таким образом восстановить семейное благосостояние?”

8

У вымышленного дяди Мэтью средств вполне достаточно – так много, что эта тема даже не затрагивается в семье. Главное его достояние – земля, которая для хозяина священна. И помыслить невозможно, чтобы он продал какую-то ее часть, как невозможно представить себе дядю Мэтью вне этих угодий. “Ты же знаешь, – говорит он Фэнни, – я стараюсь не заходить в чужой дом, если этого можно избежать”.

Тем удивительнее, заглянув в светскую хронику “Таймс” (эфемерные листки, из которых можно сложить роман Джорджетт Хейер), обнаружить, как часто появляются в ней имена лорда и леди Ридсдейл. О тете Сэди говорят, что она “знает свет” (отличное выражение) и охотно бывает на званных вечерах, но, выйдя замуж, следует предпочтениям мужа (позднее Диана скажет о прототипе тети Сэди, что матери, пожалуй, следовало выбрать себе более общительного

мужа, но ее вполне устроила и домашняя жизнь). При чтении газет складывается впечатление, что эта пара не была затворниками. Легко забыть, что Дэвиду, отпрыску известного рода, естественно было посещать торжественные балы и королевские свадьбы, а в 1928 году оказаться на светском приеме у “миссис Болдуин”, на Даунинг-стрит, 10 (хотя аристократии не слишком импонировал сей буржуа, Стэнли Болдуин). Дядя Мэтью явился на большой бал в романе “Любовь в холодном климате”, затянутый в панталоны, которые были ему так узки, что он не осмеливался сесть, – и это его единственный выход в свет, за исключением присутствия (по обязанности) в палате пэров, где он голосует непредсказуемо, но по совести. Он выступает с речью против допуска в палату наследниц титула, потому что они будут пользоваться мужским туалетом. (По словам Линды, мнение ее отца разделяли все пэры, но только Мэтью осмелился высказать его вслух.)

Как обычно, этот великолепный вольный портрет лишь отчасти списан с Дэвида. Лорд Ридсдейл слыл в палате пэров чудачком, но заседания посещал достаточно исправно и несколько кривил душой, когда в более поздние годы писал: “Я никогда не езжу в Лондон, если могу избежать этого”. Присутствовать в палате он считал необходимостью, почетной обязанностью и мечтал вернуть этой части парламента былое могущество, до принятого в 1911-м закона Ллойд-Джорджа, который сократил право вето и отстранил лордов от обсуждения бюджета. “Неужели никому не приходит в голову, – писал Дэвид в «Таймс» в 1926-м, – что гаргантюанская оргия расточительства, в которой погрязла наша страна и которая разоряет нас не дюйм за дюймом, а миля за милей, напрямую связана с тем, что всеми финансами занимается одна палата? Это мнение малопопулярно среди политиков (по понятным причинам), но народ в целом отлично понимает это...” Какую бы позицию мы ни занимали, это высказывание явно принадлежит не буйному невеже, каким Нэнси – или, точнее, Джессика, опираясь на пример Нэнси, – пыталась представить своего отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.